

В Мыщине Деревстве

НАСТАСЬЯ
ЧИГИРИНА

Зимняя романтика

Зимняя романтика

Настасья Чигирина

В Мышином Королевстве

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чигирина Н.

В Мышином Королевстве / Н. Чигирина — «Издательство АСТ»,
2023 — (Зимняя романтика)

ISBN 978-5-17-157993-7

Когда на линейке объявляют конкурс новогодних постановок, Бажена понимает – это её шанс. Она всю жизнь мечтала стать театральным режиссёром, и никто не заслуживает этого больше. Но свою кандидатуру на участие также выдвигает холодный и нелюдимый Феликс. На кону стоит рекомендательное письмо, с которым будет в разы проще поступить в вуз. Она – самоуверенная выскочка, одержимая мечтой. Он – отпрыск влиятельной театральной династии. Оба жаждут победы, и оба... «не соответствуют формату». Именно так звучит ответ организаторов конкурса, когда герои отправляют им свои сценарии. Теперь, чтобы получить хотя бы шанс на победу, Бажене и Феликсу остаётся только одно – объединиться и поставить «Щелкунчика и Мышиного короля» Эрнста Гофмана. Вдвоём. В качестве сорежиссёров. Новоиспечённым напарникам предстоит слишком много: не ссориться хотя бы день, подготовить новый сценарий, совладать со своенравными актёрами и... вспомнить, что такое «новогодняя сказка».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157993-7

© Чигирина Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Настасья Чигирина

В Мышином Королевстве

© Настасья Чигирина, 2023

© Miopin, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1

Чтобы стать театральным режиссером, необходимо всего три вещи: научиться договариваться, запастись глицином и поступить в хороший вуз. Бажене оставался только вуз.

Конечно, она не могла стать кем-то другим. Три года назад, только-только перебравшись в Питер, Бажена точно знала, что соберет блестящее портфолио, прихватит дипломы за олимпиады, ворвется в приемную комиссию и уж точно поступит на бюджет. Потому что это ее страсть. Потому что она этого заслуживает. Иначе было бы просто несправедливо, кто еще может хотеть этого больше?

На линейку, кстати, тоже пришла только за этим. Ради грамот – главного материала для портфолио.

– Мы так рады видеть вас отдохнувшими после каникул, – улыбалась Елена Станиславовна, осматривая зал. – Для вас, старших классов, учеба – это в первую очередь подготовка к экзаменам. Не стоит откладывать ее «на потом», важно уже сейчас серьезно подходить к этой подготовке...

Десятый «А», как назло, выстроили дальше всего от выхода. Добираться до него Бажене пришлось за спинами других. Это было трудно – во-первых, из-за огромного списка дел в голове, а во-вторых, из-за кретина Эдика, вставшего прямо на пути. Кому вообще хочется видиться с бывшими? Особенно с такими. А когда незаметно для учителей захотелось присесть, обнаружилась еще одна неприятность – место осталось всего одно. Почти на виду.

– Настоятельно рекомендую вам уже сейчас позаботиться о своих задолженностях, – продолжал гудеть микрофон. – Их у вас быть не должно...

Соседи по креслам, которые и раньше учились в «А», вчерашнюю бэшку предпочитали не замечать. Бажена отвечала тем же. Всего два года осталось – зачем тратить время на новые знакомства?

– В первую очередь на повестке дня у нас подготовка к проверочным работам...

Так, ладно, школьные заморочки. Бажена мотнула головой и проверила список дел: подготовиться к проверочным, взять работенку в школьном активе, сделать реферат... Не думай об Эдике, не думай об Эдике, не думай об Эдике... В портфолио не должно остаться места, а у приемной комиссии – сомнений, кого именно зачислить на бюджет. И они зачислят. Назло всем, кто сомневается. Надо только еще немного поработать, и...

И тут чья-то голова, упавшая на плечо, перебила все мысли.

Вот так просто. Без предупреждений. Это случилось так внезапно, что Бажена оцепенела от такой наглости. Туповато уставилась перед собой, пытаясь сообразить, что вообще происходит, чуть повернула голову...

Этот парень... спит? Да. Кажется. Уснул и повалился. Сопит. Обмякает, наваливаясь все сильнее, лезет волосами прямо в лицо. И даже не думает просыпаться!

– Э-эй... – протянула Бажена. – Чел...

Она взяла себя в руки и осторожно повернула голову, чтобы хоть что-то разглядеть. Черные кудри рассматривать не приходилось – и так лезли прямо в глаза! – а вот очки и синий свитер заметила только сейчас.

Феликс. Парень с первой парты.

– Чел, доброе утро, – сказала Бажена намного громче. – Вставай-ай, я тебе не подушка.

Она подтолкнула его плечом, и парень наконец-то проснулся. По крайней мере, дернулся. Полуоткрытый рюкзак со всем содержимым рухнул на пол, стоящая впереди половина класса обернулась. Здесь Феликс проснулся окончательно.

– Черт... – пробормотал он. – Извини, я...

Вообще-то, пересеклись они впервые. До десятого учились в разных классах, а теперь сидели в разных концах кабинета. Но Бажена все равно решила помочь. Наверно, уже на автомате.

Первым делом подобрала пластинку с таблетками – валерьянка. Что, тоже нервишки? Судя по тому, сколько ячеек уже успели опустошить, Феликс просто не мог не отрубиться. И Бажена его прекрасно понимала. Поэтому и продолжила собирать тетради, даже когда их хозяин пробурчал сонное «не стоит». Под одной из них нашелся интересный артефакт – упаковка кошачьего корма.

– У тебя есть кошка?

– Пять, – буркнул Феликс, пихнув корм в рюкзак.

– Что?

– Пять кошек.

– Я бы с ума сошла.

– А я уже. – Он поднял глаза и тут же нахмурился, заметив в руках Бажены блокнот. – Я не очень люблю, когда читают мои записи...

Блокнот он выхватил, но кое-что Бажена успела разглядеть. Это был список названий: «Суровое испытание», «Вид с моста», «Кошка на раскаленной крыше», «Орфей спускается в ад», «Долгий день уходит в ночь»... Странный набор слов? Список американских пьес!

– Миллер, Уильямс и этот... как там его...

– О'Нил, – договорил за нее Феликс.

Он еще раз заглянул в блокнот. На странице не было никакого упоминания, что это названия пьес, и уж тем более не говорилось об их авторах. Бажена это просто знала. Оттого и взгляд, которым одарил ее Феликс, был каким-то настороженно-удивленным.

– Ты не похожа на человека, который разбирается в американской драматургии, – добавил он.

Бажена не удержалась от улыбки.

– А как выглядят люди, разбирающиеся в американской драматургии?

– Те, которых я знаю, похожи на сорокалетних алкоголиков.

Он едва заметно улыбнулся, а Бажена уже была готова закричать от радости – господи, неужели в школе действительно есть человек, которому все это интересно?!

У Феликса была одна особенность. Левый глаз у него сильно косил внутрь, из-за чего взгляд казался каким-то особенно... пристальным. Почти что личным. Бажена никогда бы не подумала, что косоглазие может выглядеть так интересно, и про себя решила назвать это «неправильной красотой». Бывает же, когда человек выглядит неправильно, а ты смотришь и не можешь оторваться. Потому что необычно. Совсем не то, что видишь каждый день. Это как... встретить героя из сказки.

Человек, которому нравится театр, – это непременно герой из сказки.

– Витовский! И ты... рыжая... а, да, Ульянова!

Бажена вздрогнула. Антон Игоревич, несмотря на свой огромный рост, всегда появлялся как будто из ниоткуда, поэтому некоторые прозвали его «шнырем». Конечно, это было слишком грубо. Зачем заморачиваться, когда химик – и в Африке химик? Только с пометочкой «классный руководитель» для десятого «А».

– Ребят, пожалуйста, – устало протянул он. – Давайте вы все просто встанете и молча простояте до конца линейки? Вы прекрасно знаете, что на линейке положено стоять, а если вас увидят...

Антон Игоревич не ругался – он долго и монотонно повторял одно и то же, а с его надломленным голосом это превращалось в настоящую пытку. Как скрип двери. И чтобы не слушать этот скрип, класс предпочел просто встать.

– А теперь поговорим о приятном, – продолжала директриса. – Вручение наград. Итак, дипломом за третье место в олимпиаде по информатике награждается команда десятого «А» класса...

Та-ак, скоро выход. После команд пойдут одиночки – и имя Бажены, уже по традиции, назовут одним из первых.

От волнения Бажена по привычке достала телефон. Отправила Феликсу заявку, проверила сообщения. Там царил бардак. Чаты класса, актива школы, конкурса театральных рецензий – куча непрочитанных, попробуй возьми. Но ответ получила только Аля. В конце концов, только эта подруга не ушла после девятого.

– Итак, перейдем к наградам персональным, – снова ожил микрофон. – Диплом за первое место в районной олимпиаде по искусствоведению получает Ульянова Бажена, ученица десятого «А» класса!

Еще одна галочка. Портфолио будет толще. Под усталые аплодисменты Бажена сунула телефон в карман и вышла к сцене. Елена Станиславовна вручила ей диплом.

– Подожди, Бажен, никуда не уходи. – Директриса взялась за стопку грамот. – Также Бажена награждается грамотой за участие в конкурсе сочинений на тему «Культура Северной столицы» и дипломом призера за статью для конкурса «Литература в двадцать первом веке».

А с конкурсом театральных рецензий пролет. Грустно как-то...

– И пожалуйста, в следующий раз оденься по дресс-коду, – шепнула директриса. – Зеленый, конечно, красивый цвет, но в уставе школы четко прописан темно-синий.

Да-да, конечно. В следующий раз будет только «приличная одежда».

– Дипломом третьей степени награждается Мельникова Вероника, одиннадцатый «А» класс...

Вернувшись, Бажена запихала грамоты в рюкзак.

– Ты не устаешь? – вдруг спросил Феликс. – Столько конкурсов...

– Выгляжу как поехавшая, да?

Он снова улыбнулся.

– Совсем немного.

– Я... – Бажена замялась. – Просто боюсь с вузом пролететь. Там такой большой конкурс.

– По-моему, ни один вуз не стоит потраченных нервов.

Феликс был выше на целую голову, а сейчас так и вовсе казался каким-то пугающе огромным. Зато пахло от него приятно. Каким-то хвойным стиральным порошком.

– Дипломом за второе место в конкурсе видеосюжетов награждается Витовский Феликс, десятый «А» класс!

Феликс поправил свитер и молча вышел к сцене. На виду у всех он явно чувствовал себя не в своей тарелке – и очень скоро стало понятно, почему. Прошлогодние ашки как-то неприятно зашептались. Кто-то подхихикивал. Складывалось ощущение, будто репутация у этого парня была... так себе. Это настораживало.

– А я бы посмотрела, – хмыкнула Бажена, стоило только Феликсу вернуться. – Кстати, куда потом будешь поступать? Кино или телевидение?

– Скорее, кино или театр. Но, думаю, на театр вероятность выше. А... ты?

– Театр. Только театр.

– Придется выдержать неравный бой с квотниками.

Бажена подняла глаза. Феликс смотрел на нее с грустной улыбкой.

– На этом награды пока закончились, – подытожила директриса. – Но, прежде чем отпустить вас, хочу сделать важное объявление. В этом году при содействии Театрального института будет проводиться конкурс новогодних постановок...

– Та-ак, а вот это уже что-то интересное, – Бажена вышла вперед. – Минутку...

– ...Участники от школы-победителя получают соответствующие дипломы и, что намного важнее, рекомендательные письма от ректора Театрального института. Эти письма дают право поступить в институт вне конкурса...

Сердце колотится вдвое быстрее. Кажется, вот-вот взорвется от нетерпения – ну же, быстрее, что так долго-то?!

– Поэтому, – заключила директриса, – я попрошу остаться тех, кто хочет попробовать себя в роли режиссера. Мы обсудим регламент и выберем лучшую идею для постановки.

Такой шанс упустить невозможно. Если в портфолио появится рекомендательное письмо, можно будет печься только об экзаменах – и вуаля, поступление уже в кармане.

Бажена забыла обо всем. О списке дел, грамотах, Эдике, Феликсе. Нетерпеливо оглядывала зал. Один за другим уходили те, с кем можно было бы побороться за место режиссера, – девчонки из школьного актива, парни из прошлой новогодней постановки, любимчики учителей... Может, и соревноваться не придется?

– Ты куда не собираешься? – послышалось за спиной.

Феликс. Бажена до последнего надеялась, что остался он только ради нее – поболтать, пообщаться, может быть, узнать друг друга поближе... Только физиономия у него была слишком серьезная. Как там он сказал? «Кино или театр»?

– Нет, как видишь, – сказала Бажена. – Ты тоже?

– Мы все еще можем подружиться, – Феликс многозначительно кивнул на дверь. – Я гарантирую тебе главную роль.

Щелк – и интерес сменился раздражением. Конечно, Феликс говорил максимально вежливо и, может быть, даже искренне, но то, что он предлагал...

Витовский, лучше выбирай кино.

– А почему главную роль не могу гарантировать я? – Бажена склонила голову набок. – Феликс, ты будешь прекрасно смотреться на сцене.

– Точно так же, как и ты. С этими чудесными рыжими волосами тебе даже не понадобится парик. Послушай, если я не поставлю этот спектакль, меня...

– Нет-нет, что ты, главную роль я уступаю тебе.

– Я не могу ее принять.

– Тогда мы вряд ли подружимся. Хотя ты... интересный.

– Бажен, пожалуйста, я искренне хочу...

– Дорогие студенты, – недовольно проговорила Елена Станиславовна. – Если вы не забыли, мы все еще здесь.

Бажена обернулась. Кроме нее, Феликса и преподавателей, в актовом зале не осталось никого.

Глава 2

– Значит, так, – объясняла Елена Станиславовна по дороге к кабинету. – Организаторы требуют, чтобы идея принадлежала учащимся. Лучше брать что-то из рекомендованного, в регламенте есть список. Что еще... да, точно, сценарий нужно предоставить на рассмотрение к девятнадцатому ноября...

Бажена шла, стараясь не отставать ни на шаг, и старательно запоминала каждое слово – так, чтобы потом не переспрашивать. Изредка поглядывала на Феликса. Кажется, уже начинала догадываться, почему одноклассники его недолюбливают.

– А что... – осторожно начал Феликс, – если у меня уже есть сценарий? Я узнал об этом конкурсе немного раньше.

Вот черт. Серьезный конкурент.

– Так даже лучше. – Елена Станиславовна остановилась у дверей кабинета и достала ключи. – Но сценарий должен соответствовать регламенту. Сейчас все обсудим.

Бажена поздоровалась с секретаршей и прошла дальше. Когда Елена Станиславовна предложила сесть, выбрала местечко поближе и старательно поправила рубашку.

– У меня пока только идея, – заговорила Бажена. – Но я занималась сценарием для прошлогодней постановки, вы помните?

Сев за стол, Елена Станиславовна стала копаться в бумагах.

– Да, Бажен, я помню... Так, вот оно. Регламент. Феликс, пожалуйста, отнеси секретарю, пусть сделает еще одну копию.

– Не стоит. – Феликс поднял телефон. – У меня здесь есть.

Он оценивающе посмотрел на Бажену, но быстро отвернулся, поймав на себе ее сердитый взгляд.

– Так, для начала давайте я вас запишу. – Директриса достала листок. – Бажена Ульянова... десятый «А», да?.. Ага, хорошо. А ты Феликс...

– Ви-тов-ский, – по слогам продиктовал Феликс.

– Ви-тов-ский... Ага, хорошо. Так, Феликс, у тебя сценарий с собой?

Он достал из рюкзака толстенькую папку листов на сорок. Бажена быстро прикинула – работа приличная. И имена сложные, и пояснительные сноски через одну страницу. Значит, приготовил что-то особенное – а жюри школьных конкурсов такое любят. А что можно предложить взамен?..

– Значит, Рождество... – тихо сказала Антонина Романовна. – Ой, а кто такой этот Гвя... Гвядор?

– Гвездор, – поправил Феликс. – В польском фольклоре это рождественский дух. Вроде... Санта-Клауса.

– Ну, тема очень оригинальная... Ой, тут еще и реплики на польском...

– Они короткие. Актеры быстро запомнят.

На Бажену давило собственное молчание. Пока соперник успел предоставить оригинальный сценарий, она не сделала ровным счетом ничего. Что, хочется дальше пахать на малозначимых конкурсах ради портфолио, да?!

– А что у тебя, Бажена?

А вот и шанс...

– Ну... Как вы знаете, я из Пскова, – как можно бодрее начала Бажена. – Ну, точнее, из Новосokolьников, это в области. И, наверно, будет лучше поставить именно местную сказку. С народным колоритом. Это... по-новогоднему.

Прозвучало очень... не очень. Слушайте, тут человек принес готовый сценарий с каким-то польским Гвездором, кто будет слушать сказки?!

– Слушай, звучит очень интересно. Главное, будет понятно жюри.

Так-так-так, продолжайте...

– Но русские народные сказки поставят многие другие школы, – все так же вкрадчиво затесался Феликс. – Это самое первое, что приходит на ум.

Ой, а кто это тут заерзал? Бажена не смогла удержаться от ухмылки. Феликс театрально закатил глаза и важно скрестил руки – вот еще, вообще не напугала.

– Даже если мы будем ставить что-то неоригинальное, мы можем поставить так, что жюри оценит его выше, – уверенно заявила директриса. – Бажена, я знаю, ты можешь написать сценарий за две недели. Феликс – покажи это Оксане Георгиевне, пусть она почитает. А как ты о конкурсе-то узнал?

– Мама тоже там училась. У нее знакомые в институте, и... в общем, да. Мне передали.

– А твоя мама нам не поможет? – Она хихикнула. – Шучу, конечно. А кем она сейчас работает, если не секрет?

– Режиссер театра.

– Ой, как здорово... Ну, расскажешь потом.

А Бажена еле сдерживалась, чтобы не прикрикнуть на Феликса прямо здесь – зачем вообще идти на какой-то конкурс, если у твоей мамы знакомые в институте? Зачем переходить дорогу тем, у кого таких связей нет?

– А как нам быть? – спросила Бажена. – Ну, то есть мы же не можем поставить сразу два спектакля.

Да-да. Я все еще здесь. Я все еще здесь, и я лучше этого парня с мамой-режиссером. И я уже злюсь. Даже если он единственный из моих знакомых, кто знает Теннесси Уильямса.

– Я так полагаю, никто из вас уступать не собирается?

– Нет!

Даже ответили хором. Вернее, Феликс действительно ответил – тихо, спокойно, почти беззвучно, – а Бажена это слово едва не выкрикнула. Но смысл донесли оба.

Никаких уступок.

– Мы можем отослать сценарии представителю оргкомитета, – задумчиво сказала Елена Станиславовна. – И там уже скажут, какой подходит больше.

– Отлично, – оживилась Бажена. – Мы сдадим сценарии, и в оргкомитете выберут лучший.

– Только, пожалуйста, внимательно читайте регламент. Нужно соблюдать каждый пункт.

– Конечно-конечно, все прочитаем.

– Тогда вам пора на урок. Феликс, занеси потом сценарий Оксане Георгиевне. Бажена – чем раньше сдашь, тем лучше. И пожалуйста, не воспринимайте это слишком серьезно. Так переглядываетесь друг с другом, будто сейчас подеретесь.

Бажена пихнула регламент в сумку и, попрощавшись, выскочила в коридор. С каждой секундой идей в голове становилось все больше – сказки, холод, дух зимы... Да! Определенно, это должен быть лучший спектакль на конкурсе!

– Бажена.

Бажена обернулась. Сейчас Феликс выглядел одновременно напряженным и расстроенным, будто ожидал победу уже сегодня. В этом, пожалуй, они очень даже сходились.

– Что-то еще? – уточнила Бажена.

– Зачем тебе этот конкурс? – спросил он, подойдя ближе.

– В смысле?

– Я же видел, тебе и раньше грамоты вручали. С таким портфолио ты уже можешь поступить куда угодно.

– Как и ты со своей мамой. Как ты сказал? Знакомые в институте? Так пусть эти знакомые тебя и проводят.

– Ты мыслишь дурацкими стереотипами. Моя семья не собирается мне помогать.

– А ты лучше попроси.

– Бажена, это не сочинение на пять страниц. Это разработка сценария, работа с актерами, постановка, звук...

– По-твоему, я не могу с этим справиться?

– Я не хочу тебя обидеть, я просто полагаюсь на свой опыт, и...

– Значит, так. Я тоже не хочу тебя обижать. Но если ты хочешь ставить этот спектакль, давай соревноваться честно. Кто победит, тот победит, а победителей не судят.

– Даже если одному из нас победа нужна кровь из носу, а для другого это просто приятный бонус?

Маски спали. Вот так, в один щелчок. Теперь Феликс не стеснялся – смотрел через очки своими хищными гадючьими глазками и даже не думал скрывать, что ни во что не ставит свою соперницу. Бажена начинала закипать.

– Феликс, дорогой, – прошипела она. – Я вижу, у тебя много друзей. Разрабатывай с ними офигительные сценарии, подбирай офигительных актеров. Только от меня, пожалуйста, отстань.

В точку. На секунду растерявшись, Феликс все-таки попытался соорудить хорошую мину, но первая реакция выдала его полностью. О да, его задели. Очень сильно задели. Может быть, даже пошатнули самолюбие – жутко раздутое, как у всех золотых детишек.

Не дожидаясь ответа, Бажена развернулась и поспешила на урок. Зачем болтать с каким-то мерзким типом, если других дел хватает? А его и так мамочка в институт проведет.

– От моих друзей хотя бы колхозом за километр не несет, – вдруг послышалось за спиной.

Бажена вздрогнула.

Как выстрел. Залп – и все мысли вылетают из головы. Одно-единственное предложение снова и снова проносится в голове, и даже не хочется верить, что оно прозвучало на самом деле. Так ведь никто не говорил. Даже самые злые. Но Феликс сделал именно это. Жестко, прямо, без лишних намеков. А просто стоял и смотрел, будто чего-то ожидая. Может, истерик? Или хорошего удара по лицу? О, сейчас его стоило ударить!

Глубокий вдох.

Да, задел. Попал, да, прямо в яблочко. На секунду даже захотелось обернуться и выдать что-то пафосное, вроде «один – один», но Бажена отбросила эту мысль. С таким счетом игра должна продолжаться, а пересекаться с этой гадючкой еще раз и уж тем более общаться не было никакого желания.

К черту. К черту, к черту...

Бажена свернула на лестницу.

Глава 3

– Степка! Степан, я дома!

Не успела Бажена закрыть дверь, пес выскочил ей навстречу. Без хозяйки он совсем приуныл, а теперь, вертясь и прыгая, старательно наверстывал упущенное. Будто из экспедиции дождался!

– Кто тут хороший мальчик? Ты хороший мальчик! – Бажена села на корточки, и Степка кинулся облизывать ей лицо. – Ой, ну хватит! Да что ты все в нос?! А-ай, слюнозавод хренов...

В отместку она стянула шапку и нацепила Степе на морду, а пока он возился, пытаясь ее скинуть, быстренько разделась и помогла. Усталость как рукой сняло.

Степан был необычным псом. Его, еще маленького щенка, Бажена прихватила из родных Новосокольников. Одной ведь страшно в большом городе, а тут верный друг, который точно так же ничего не понимает. Так что осваивались они вместе.

– Голодный? Да-а, кто тут такой голодный? Ты ведь не пытался опять съесть диван, да? Не пытался? Молодец! Молоде-ец!

Пока Степан с громким пыхтением атаковал миску, Бажена прошмыгнула в свою комнату. Очень маленькую – как коробка, набитая всяким хламом. Со старым шкафом, оставшимся еще от прошлых хозяев, скрипучим диваном, маленьким окошком с видом на улицу и доской. Очень важной доской.

Бажена нашла ее на лоджии. Обычный кусок фанеры, наверняка когда-то бывший задней стенкой шкафа. Он был достаточно легким, чтобы повесить его над столом, и достаточно большим, чтобы уместить на себе все.

Открытки, рисунки, театральные билеты. Забавные календарики из комиссионки и засушенные осенние листья. Фотографии – бабушкина, Бажены на фоне цветущего садика у деревенского домика, с охапкой грамот на одной из линеек, со школьной конференции по творческим профессиям. Но самая важная висела с краю. Она была очень старой и немного помялась на уголке. Бажене на ней только-только исполнилось семь, и на ее голове красовался жуткий розовый бантик. А рядом стоял папа. Невысокий, с копной медно-рыжих волос и веснушками, которые передались дочке. Это был поход в театр. На «Щелкунчика».

Взглянув на фото, Бажена сунулась в шкаф и достала портфолио. Папка была жутко толстой и закрывалась с большим трудом.

Но этого все равно недостаточно. Есть люди, у которых грамот примерно столько же, даже больше.

Вернее, человек.

– Да подожди ты! – Бажена отпихнула Степку ногой. – Сейчас, сейчас пойдем, подожди!

Степка решил, что этого недостаточно, и запрыгнул на диван. Его Бажена никогда не убирала – зачем, если вечером все равно ложиться? Пес, который считал одеяло своим главным врагом, этим только пользовался.

– Так, что ты делаешь? Что ты делаешь, отстань от... Ну все, Степан, ты доигрался!

Поводок и ошейник валялись... где-то. Бажена их нашла. Поймала, пристегнула, потащила в прихожую. Конечно, еще хотела пообедать, но Степка уже завелся. Пришлось прихватить один-единственный бутерброд.

Это место мало подходило для прогулок. Петроградка – исторический район, тесная застройка. Всякие скверики с узкими дорожками облюбовали хозяева всевозможных шпицев и йоркширов, которым Степка с его желанием поиграть мог случайно навредить, поэтому Бажена вела его в парк. И следила, чтобы он опять не пытался лизнуть фонарь.

Сценарий, сценарий, сценарий...

По ноябрьским улочкам с серыми домами, по узким тротуарам. Бажена побаивалась этого города – слишком уж мрачным он иногда казался. Вечно сонный, с жутковатыми дворами-колодцами, коваными решетками и молчаливыми скульптурами, ближе к центру встречавшимися все чаще. Но что поделаешь – чтобы чего-то добиться, надо держаться больших городов. Тем более, когда выпадает такой шанс!

Все должно быть идеально. Все будет идеально. Сегодня вечером надо подготовить план со списком ролей, в выходные – сам текст. Бажена привыкла работать рывками и сейчас, обдумывая каждую деталь, готовилась совершить один из главных рывков в своей жизни. Театр. Театр, до которого так близко.

– Солнце! – послышалось за спиной.

Алю трудно было не заметить. На макушке она носила высокий пучок из разноцветных дредов с бусинами, в ушах – огромные сережки в индийском стиле. И человек со стороны вряд ли поверил бы, что такая девушка может быть подругой Бажены. Ну, той самой Бажены, которая одевается как панк из девяностых и ругается как сапожник. И уж тем более этот сторонний человек бы не подумал, что Аля может встречаться с Захаром – боксером под метр девяносто, с бритой головой и широченными плечами. Даже сейчас, прогуливаясь вместе, эта парочка привлекала к себе внимание.

А Степка уже на всех парах мчался к сородичам. У Али был пушистый самоед по кличке Сарам, у Захара... да-да, боксер Арчи. Интересно, это Захар подбирал собаку под свое хобби или наоборот? Оба пса нерешительно попятились, едва заслышав знакомый лай, но потом все-таки смирились. Да, ребят. Степка о-очень жаждет общения.

– А-алечка! – протянула Бажена, крепко ее обняв. – Привет-привет!

– Светлое солнце сонного города, – Аля загадочно улыбнулась. – Ты всегда приносишь с собой тепло.

– Я ей говорил, чтобы она с гриппом из дома не выходила, – пробурчал Захар. – Нет, говорит, надо солнце встретить. Ну ты-то ей скажи, что надо лечиться.

– Аль, ты чего? Если не до конца выздоровела, надо оставаться дома...

Аля ласково взяла Захара за руку и прижалась щекой к его плечу.

– Мой тигр меня снова слишком опекает, – промурлыкала она. – Всего лишь кашель, не больше. Солнце, лучше расскажи, как у тебя дела? Выглядишь напряженной...

Вообще-то, во всякую мистическую чушь Бажена не верила. Ну, только если это не какой-нибудь талисман на удачу или счастливое предсказание в карточных гаданиях. Но иногда ей казалось, что Аля действительно немного... экстрасенс. Угадывает – с первого взгляда.

– Да так... один человечек день подпортил.

– Кто?

– Витовский. У него мамочка режиссер, и еще совести хватает, чтобы зариться на мое рекомендательное письмо, представляете?

– А, – хмыкнул Захар. – Так ты участвуешь в том конкурсе?

– Пока я участвую в конкурсе на участие в конкурсе. Феликс уже сценарий принес, представляете? Ленка сказала, что оргкомитет выберет, то и будут ставить.

– Твой сценарий точно будет лучше, – заверила Аля. – А Феликс... Любовь моя, расскажи нам о нем. Вы же раньше были в одном классе.

– Придурок он, вот и все. Придурок с завышенным чувством собственной важности.

– Любовь моя, нехорошо так говорить о людях...

– А другого я о Витовском не скажу. Думаете, почему с ним никто не сидит? Смотрит на людей как на дерьмо, с нами – ну, знаете, с простыми смертными – общается с сарказмом и «интеллектуальными» шутками. Списывать вообще никому не дает. Что еще... ну, с Вероникой Мельниковой встречался. Которая из одиннадцатого. Понятия не имею, что она в нем нашла.

– Мельникова любит душнил, – Бажена хихикнула. – Она сама немного...
– Солнце, – возмутилась Аля – в той мере, в которой она вообще могла возмутиться. – Ты же испортишь себе карму. Немедленно скажи о Веронике три хорошие вещи взамен этой.
– Ладно-ладно. Вероника уверенная... и целеустремленная... и... ну, прирожденный лидер. Ну, школьного актива. В остальном не очень, но... Ладно, все. Не смотри на меня так. Пусть лучше Захар о Феликсе что-нибудь хорошее скажет.
– Ну... – пробурчал Захар. – Феликс... э-э... умный...
– И, наверно, очень вежливый, да? – подтолкнула Аля.
– Да, вежливый. Иногда. И... ну...
– Животных любит, – договорила за него Бажена.
Вообще-то она хотела побыстрее закончить этот разговор, но вместо этого вызвала только больше вопросов. Аля с Захаром ждали объяснений.
– У него пять кошек, – пожала плечами Бажена. – Логично, что он любит животных.
– Так он еще и кошатник? Неплохой такой штрих к портрету... – Поймав на себе недовольный взгляд Али, он усмехнулся и приобнял ее за плечо. – Да шучу я, шучу. Вообще, что мы все о Феликсе? Аль, лучше похвастайся.
– Чем? – Аля чуть прищурилась.
– А ты как думаешь?
Аля улыбнулась еще шире и вытянула из-за ворота маленький кулон в виде белой запятой. Вернее, запятая померещилась только Бажене. И поняла она это, только когда Захар показал на своей шее такую же запятую, только черную.
Ах да. Инь и ян. Типа парные кулончики.
– Какая прелесть, – хмыкнула Бажена. – Они магнитятся?
– Конечно. – Аля поднесла свой к кулончику Захара. – Просто чудо, правда?
– Да. Просто чудо.
Аля поцеловала Захара в щеку и протянула ему поводок от Сарамы.
– Любовь моя, можно мы немного посекретничаем?
Захар кивнул, и Аля, придерживая за локоть, отвела Бажену в сторону. В нос ударил резкий запах сандалового масла.
– Тебя что-то тревожит? – прошептала Аля. – Солнце, ты точно расстроена.
– Да тут это... кое-кто меня «колхозницей» назвал.
– Эдик?
– Не говори об Эдике!.. – Бажена осеклась. – Извини... Нет, не Эдик. Феликс.
– Не стоит переживать о словах людей, которые не переживают о твоих.
– Да, но...
– Тс-с... – Она приложила палец к губам. – Ни слова больше. Кстати, между нами. Сегодня мне пришла посылочка с новой колодой Таро.
– Аля! Не так громко!
– Конечно-конечно, ты скептик, я помню. Сделать тебе расклад?
Бажена оглянулась по сторонам.
– Завтра созвонимся, – тихо сказала она. – Какой там аркан значит победу?
– Колесница. Ну, еще Колесо Фортуны может подойти. И Солнце, и Мир, и...
– Все, я поняла.
– Но ты все еще в это не веришь?
– Но я все еще в это не верю.
– Хорошо, – Аля улыбнулась. – А теперь иди и твори. Тебе точно выпадет Колесница.
Бажена обняла Алю и, попросившись с Захаром, потащила Степку в сторону дома. За выходные предстояло разобраться с целым сценарием.

Глава 4

Когда твоя мама электромеханик, технику в доме не выкидывают. Телевизор прекрасно работает и одиннадцать лет, а уют так и вовсе с большой вероятностью достанется твоим детям. Даже несчастный китайский чайник – и тот, как монстр Франкенштейна, снова и снова возвращается к жизни. В целом, круто, но починка почему-то всегда происходит на любимой всеми кухне.

– Кто так крепит? – Мама закрутила еще один винтик. – Они б еще клеем залили. Экономисты хреновы.

У них с Баженой было много общего. Невысокий рост, веснушки, каре-зеленые глаза. Только у мамы волосы были темно-русые, и она всегда собирала их в высокий хвост, чтобы не мешались. Одно ухо она проколола в трех местах, а за вторым прятала кусочек татуировки в виде ястреба – в молодости, когда она носила ирокез, он был виден целиком. У мамы было интересное прошлое. И на других родителей она совсем не похожа. Постоянно подкалывала, почти не ругала и вообще старалась держаться на одной волне. Разве что иногда была слишком уж... говорлива.

– Чем быстрее чайник сломается, тем быстрее купят новый, – пробормотала Бажена, не отрываясь от экрана ноутбука. – Выгодно же.

– Вот от этого «выгодно» короткие замыкания и случаются. Мать честная, а это что? Женек, тащи паяльник!

Бажена встала и пошаркала в коридор. В шкафу мама хранила, как она говорила, «свое женское» – запасные детали, провода, бесчисленные банки со всякими винтиками и ящики с инструментами. Паяльник хранился на самой нижней полке.

– Спасибо, – сосредоточенно пробормотала мама, склонившись над разобранным чайником. – А ты, я вижу, опять что-то строчишь, да?

– Сценарий, – отозвалась Бажена. – По «Морозку».

– На конкурс?

– Ага.

– Все пытаешься впечатлить папашу...

– Да никого я не пытаюсь впечатлить. Между прочим, тут главный приз – поступление вне конкурса. На режиссера.

– Ну это, конечно, все здорово и прекрасно, – мама ненадолго стихла, сосредоточившись на паяльнике. – Но меня-то не обманывай. Ты пытаешься впечатлить своего нерадивого папашу, который за все три года, пока мы тут живем, даже не удосужился к нам заглянуть. Хотя хата у него в одной остановке отсюда.

– У папы много работы.

– Это для тебя у него много работы. А для Машки он всегда свободен.

Ах да. Машка. Вернее, Боровая Марьяна Матвеевна – другая фамилия, другое имя, но отчество одно на двоих. Сестренка. Тот самый человек, у которого портфолио больше.

Да. У папы имелась еще одна дочь. Вернее, «еще одной» была Бажена – это она родилась почти на год позже и одним своим появлением чуть не разрушила папину семью. Так получилось. Даже в идеальных на вид семьях иногда появляются внебрачные дети, правда? Вот такой она и оказалась. Случайной. Папа от ответственности увилить не стал и согласился выплачивать алименты, а когда дочурка подросла, начал забирать на дачу. У них даже сложилась такая традиция – каждое лето, как минимум на две недели, семейство Боровых вместе с Баженой ездили за город. Единственный минус таких поездок заключался в том, что делить их приходилось с Марьяной.

Кажется, они соревновались всегда. С самой первой встречи, когда младшей было шесть, а старшая уже пошла в школу. Если Баженин рисунок папа вешал на холодильник, Марьяна обязательно рисовала свой и начинала плакать, чтобы он точно сменил конкурента. Отставать не хотелось. Приходилось придумывать всевозможные поделки из шишек и пластилина, какие-то сумасшедшие аппликации, участвовать во всяких «Русских Медвежатах» и «Британских Бульдогах», чтобы в конце концов показать заветный аттестат. И играть «хорошую девочку» перед папиными родственниками – им-то по душе была вся такая кроткая и милая Марьяна, а не Бажена, которая лазила по деревьям и дралась с мальчишками из дачного поселка. Проигрыш? Возможно. Но потом обнаружилось, что у Бажены есть один интересный козырь. Самый важный козырь.

Она не знала, что папа обожает театр. Никто не знал. Сама Бажена полюбила театр, когда мама сводила ее на какую-то постановку в местный дом культуры, и только утвердилась в этом, раздобыв о театре целую книжку с картинками. По ней и читать училась. Но когда папа, найдя эту книжку в очередной дачной поездке, с восхищением спросил: «Это твое?», Бажена чуть с ума не сошла – теперь у них нашелся бесконечный источник тем для разговоров. Марьяне даже пришлось закатить целую истерику, чтобы обратить на себя внимание.

С того самого момента они шли вровень. Марьяна могла сколько угодно нравиться бабушке, но когда в каком-то театре объявляли многообещающую премьеру, папа писал именно Бажене. И перед дачными поездками, когда она приезжала в Питер, обязательно водил в театр. Чаще с Марьяной, но в особо везучие дни выпадало и вдвоем. На драму, оперу, балет – неважно. Главное, что это было только их время.

Но этим летом Марьяна выкинула еще один фокус. Просто чудовищный. И обыкновенное соперничество превратилось в самую настоящую вражду, оставлять которую Бажена так просто не собиралась.

Не думай об Эдике, не думай об Эдике, не думай об Эдике...

Бажена невесть кому кивнула и снова взялась за сценарий.

– Понятия не имею, на кой черт он тебе сдался, – продолжала мама, спаивая проводки. – Если б у моего бати пришлось внимание выторговывать, я бы его на хрен послала. Только пусть стакан воды потом не просит.

– Мам, я не «выторговываю внимание», как ты говоришь. Я иду к своей цели, потому что я этого хочу. Разве ты сама не говорила, что так и надо?

– Да надо, конечно. Только зачем перед батей плясать? Перед батей, перед бабкой, которая его мамка, перед одноклассниками своими...

– Мам, ну фигни-то не говори.

– Фигни? – Мама усмехнулась. – Да ну? А кто пошел листовки расклеивать, чтобы перед одноклассниками новой мобилой попонтоваться? А то целый один дебил сказал, что мобила дешманская, надо обязательно переспорить. И вот так постоянно. Строишь из себя хрен знает что, чтобы кому-то понравиться, а потом истерики закатываешь, когда не получается.

– И что ты предлагаешь?

– Я предлагаю болт забить. Не нравишься кому-то – так это его проблемы. Живи как живется, делай что нравится, а рвать задницу ради тех, кому на тебя похрен, это себя не уважать.

Бажена не успела ответить. Зазвонил телефон.

– Это я, – как-то взволнованно пробормотала Аля. – По... поводу расклада.

– Что-то не так? Мне выпала Смерть?!

– Нет-нет, что ты...

– Что, опять свою лабуду раскладываете? – пробурчала мама.

– Солнце, твоя мама тут?

– Да, я тут. И я все слышу.

– Светлана Николаевна, я и вам расклад сделала. У вас очень хорошая карта. Колесница.
– И что мне с этой Колесницей делать? На болты разбирать?
– Колесница – это большой прорыв в делах.
– А, ну тогда хороший расклад. Одобряю. А у Женька что там?
– Ну...
– Аля, – влезла Бажена. – Какая мне выпала карта?
– Солнце, не горячись... Карта-то хорошая...
– Что за карта?!– Подожди-подожди, сейчас скажу. Готова?
– Да давно уже.
– Я себе. В общем, судьба решила повернуться к тебе самой светлой стороной и показала карту... ну...

– Отшельник?
– Не-ет...
– Повешенный?..
– Нет-нет, не Повешенный...
– Дурак?!
– Влюбленные.
– Влюбленные?!

Бажена возмутилась, мама расхохоталась.

– Да, – тихонько пискнула Аля. – Это... тоже очень хороший знак...
– Хороший знак? Хочешь, чтобы моя жизнь опять пошла наперекосяк?
– Твоя жизнь пойдет наперекосяк, только если эта карта значит «Беременна в шестнадцать», – хмыкнула мама. – Алек, а себе что нагадала?
– Справедливость.
– Ну конечно, у всех нормальные карты. – Бажена снова уставилась в ноутбук. – А еще расклад можешь сделать?
– Но и этот был очень хороший. Попробуй... найти положительные стороны.
– Положительной стороной бутерброд вниз падает. Ладно, мне... работать надо. Как закончу – покажу.

Бажена отложила телефон и недовольно зыркнула на маму, которая все еще тихонько подхихкивала.

– С песелем мне гулять? – спросила она, стоило только Степке прибежать на кухню. – Э-эй, а вот этого не надо... Не трогай провод, я тебе говорю!

– Да, погуляй, пожалуйста... – Бажена почесала у него за ухом. – А то я закончить не успею...

Мама со Степкой ушли, и она осталась наедине с ноутбуком. Работалось плохо. Сильно хотелось спать. Бажена заварила кофе, но даже с ним в голову не пришло ни одной свежей идеи. А ведь уже решила – все надо закончить ко вторнику...

В такие моменты Бажена использовала универсальный мотиватор – страницу «любимой» сестренки. Марьяне очень нравилось делиться своей жизнью. Она выкладывала фотографии из всяких поездок, с походов в театр и школьных конференций, с семьей и друзьями, грамотами и медалями. Нередко в ленте мелькал папа.

В общем-то, Бажена не скрывала, что завидовала. В конце концов, Марьяна не просто чаще виделась с папой – она жила с ним и могла видеть сколько угодно. Но это была хорошая зависть. Белая. Не черная, а-ля «Ты слишком хорошо живешь, я буду пускать слюни на твою жизнь, а когда что-то пойдет не так – позлорадствую», а очень даже полезная: «Живешь хорошо? Отлично, искренне рада за тебя, а сейчас я буду усердно работать, чтобы жить еще лучше». В творческий кризис только такая зависть и спасает.

Так, сестренка, чего там у тебя хорошего?

О нет. Нет-нет-нет, пожалуйста...

«Берусь за сценарий» – и фото ноутбука. На засвеченном экране красовался заголовок: «Действующие лица».

Странное совпадение. Марьяна, как и папа, театр обожает, а вчера как раз объявили театральный конкурс. Во всех школах.

Дыхание перехватило. Та-ак, не надо паники. Надо подумать логически. Если Марьяна это публикует – между прочим, на суд полутора тысяч друзей, – значит, точно участвует. Без всяких конкурентов в виде маменькиных сынков. И папа, наверно, так ей гордится...

Ладно, логика в этом случае панику только подгоняет. А паника подгоняет заряд энергии. Тот самый заряд, который разгоняет творческий кризис.

Спасибо, Марьяш, спасибо. Вот это заряд мотивации – одним постом на пару слов.

Витовский, берегись.

Глава 5

Сценарий в печатном виде занимал пятьдесят три страницы, и Бажена старательно подшила его в подходящую папку. Электронную версию сохранила на флешке. А сама чувствовала себя выжатым лимоном. Но справилась. Эта мысль держала на ногах.

Бажена не думала, что проблемы начнутся с самого начала. Надеялась – сейчас сценарий отправится представителю оргкомитета, совсем скоро придет ответ, и...

О нет. Вероника Мельникова. Та самая, которая, как оказалось, когда-то встречалась с Витовским. Школьным активом она заправляла до сих пор и просто обожала доставать его участников. А теперь пришла очередь Бажены.

– Ульянова, – отчеканила Вероника. – Скажи, пожалуйста, почему мы должны делать твою работу?

– Что? О чем ты?

– О чем я? А кто должен был подготовить мастер-класс для младшеклассников?

Вот черт. В календаре же напоминание стояло, почему не сработало?

Или Бажена отключила звук, пока работала над сценарием?

– Давай я завтра все принесу... – пробормотала Бажена. – Я успею.

– Нет, Бажен, этим уже занимается Тамара. Знаешь, в чем проблема? В том, что это уже не в первый раз. Ты постоянно берешь дофига работы и постоянно всех подводишь. Это вообще нормально?

– Да не раздувай ты...

– Не раздувать? Бажена, в актив никто никого палкой не загоняет. Здесь работают только те, кто может и хочет работать. А не делает вид, что работает, чтобы учителя рисовали ему оценки.

– Так-так-так, погоди. – Бажена выпрямилась. Вероника была выше, и приходилось запрокидывать голову, чтобы смотреть ей в глаза. – С чего ты взяла, что я только делаю вид?

– Окей, давай-ка вспомним. Стенгазета «Гордимся нашей историей».

– Ну и?

– Бажен, почему в газете пять орфографических ошибок? И я не говорю про то, что ты всех князей там перепутала. Ты понимаешь? «Гордимся нашей историей».

Возможно. Я делала газету в два часа ночи после подготовки к контрольной по физике и трех чашек кофе.

– Ладно, признаю. Больше такого не повторится.

Вероника пихнула ей в руки какую-то бумажку.

– Вот список того, что ты должна сделать до пятницы. Заметь, ты сама вызвалась. А если не успеешь, я подойду к Елене Станиславовне и скажу, что школьный актив ты используешь, чтобы учителя рисовали тебе оценки. Ясно?

– Ладно-ладно, все будет.

Действительно, что Феликс в ней нашел?

Бажена сама удивилась этой мысли. Она редко задумывалась о чужих отношениях, но сейчас не могла удержаться – в конце концов, оба голубка умудрились стать для нее занозами. Даже представила, как они смотрелись вместе. Витовский, такой весь из себя важный и загадочный, и Мельникова – высокая, красивая, с роскошной русой косой и женственной фигурой. Вдвоем они собираются в каком-нибудь суперромантическом кафе и... душнят. Наверняка они ничего другого не умеют. В таком случае кто кого передушил, если они расстались?

По дороге к классу Бажена оставила сценарий у Оксаны Георгиевны. Та, как учитель русского, пообещала все проверить и отправить в оргкомитет. Здесь можно было выдохнуть.

Значит, так, что по списку... Ага. Стенгазета, плакат, урок рисования для младшеклас-ников... стоп, а разве его уже не делает Тамара? Или младшекласников много?

– Можно тебя на минутку?

Бажена вздрогнула. Вообще-то, она ожидала услышать это от кого угодно – но только не от Феликса. Да и еще и появился он совсем неожиданно.

– Что такое? – буркнула Бажена.

– Я бы хотел... извиниться за тот разговор. – Он ненадолго отвел взгляд, будто хотел сделать передышку. – Вышло очень некрасиво. Я действовал на эмоциях и искреннее сожалею, если задел.

Звучало как отмазка. Чисто так, для галочки. Но после этого высказывать все, что Бажена хотела высказать, было бы по-хамски. Пришлось сдержаться – да-да, извинения приняты.

– Ладно, хорошо, – пожала плечами Бажена. – Что-то еще?

Он достал из кармана маленькую коробочку. Бажена даже не сразу догадалась, что это подарок, и Феликсу пришлось открыть его самому. Внутри прятались серьги в виде еловых веточек.

– Ты серьезно?

– Да, – он дождался, пока Бажена все-таки возьмет подарок. – Ты не подумай, это не попытка купить, просто... я подумал, это подкрепит извинения...

Бажена помедлила с ответом. Покрутила в руках сережки, поднесла к ушам – к рыжим волосам они подходили идеально. Да и напоминали о хорошем. Об огромном сосновом боре, раскинувшемся рядом с домом бабушки. Доброй бабушки, по маминой линии. Когда-то до этого самого бора можно было дойти пешком (от Новосокольников каких-то полчаса ходьбы), а Питер, вузы и вся эта городская шумиха казались такими далекими...

О детстве. Эти незамысловатые сережки просто-напросто напоминали ей о детстве.

– Ты просто хочешь, чтобы я не сдавала свой сценарий? – спросила Бажена, сунув серьги обратно в коробку.

Феликс растерялся. Вернее, выражение у него осталось самое невозмутимое, но взгляд – взгляд выдал все. Не ожидал. Не думал, что выйдет так, и ждал совсем другой реакции.

– Мне жизненно важно участвовать в этом конкурсе, – осторожно проговорил он. – От этого зависят мои отношения с семьей, и... Я же обещал тебе главную роль. Ты могла бы сыграть Казимиру в моей постановке. Она главная героиня... Что-то не так?

– Есть... один нюанс.

– М-м?

– Я уже сдала сценарий.

– Что? Ты написала сценарий за три дня?

– Да, – Бажена протянула коробочку обратно. – Значит, сережки я должна вернуть?

– Нет, конечно. Просто... это нечестно.

– Участвовать в конкурсе, где в оргкомитете сидят знакомые твоей мамы?

– Участвовать в конкурсе, когда за один вечер можешь наработать на целое портфолио.

– Фея! – послышалось в дверях.

И снова здравствуйте.

Это больше походило на проклятье. Проклятье Вероники Мельниковой – что-то вроде «Авадакедабры», только вместо мгновенной смерти тебя просто начинает преследовать Вероника. Страшная вещь. Бажена решила ретироваться. Жаль только, в этом кабинете она сидела недалеко от двери и могла слышать все, о чем ворковали голубки.

– Я прочитала твой сценарий, – сказала Вероника, крепко обняв Феликса. От прежнего командного тона не осталось и следа. – Это точно первое место. А пани Виолетта...

– Да, я списал ее с тебя, – он мельком взглянул на Бажену. – Кстати, знакомься. Моя конкурентка.

– Бажена?

Бажена поняла, что игнорировать бесполезно. Только сделала вид, будто вообще не знает, что она здесь забыла.

– Да-а?

Вероника прошла к ее парте и встала напротив. Снова вернулся командный тон.

– Ты ничего не делаешь в школьном активе и теперь хочешь ничего не делать на конкурсе?

– Послушай, в активе я просто заработалась, а...

– Меня это не волнует. Я вижу только то, что ты недобросовестно выполняешь свою работу. И на конкурсе ты будешь делать то же самое.

– Неправда! И не перебивай меня, пожалуйста. Если тебя бесит моя работа – хорошо, я уйду из актива. Нормально? Отстанешь?

На лице Вероники мелькнула какая-то подленькая ухмылка.

– Для меня – нормально. А у моего друга ты забираешь возможности.

– Пока не забирает, – поправил Феликс.

– Но она же подала заявку. Хотя ты заслуживаешь этого намного больше. – Вероника снова взглянула на Бажену. – Так, все. Если спектакль будешь ставить ты, Бажена, школьный актив и театральный кружок объявят твоему спектаклю бойкот. Будешь набирать из оставшихся. Алю можешь... кто там у вас еще? Как там этого боксера зовут?

– Ты не имеешь права!

– Я – не имею. А коллектив, недовольный режиссером, очень даже имеет. И этот коллектив будет требовать смены руководителя.

Бажена вскочила с места.

– Я буду жаловаться!

– А я пожалуюсь в ответ. Представляю, как ты упадешь в глазах всего преподавательского состава, когда они узнают, что «Баженочка» просто пользуется их доверием.

– Ник, не стоит, – снова вставил Феликс. – Во время конфликта перепадает всем участникам.

– Нет, стоит. Тебя не раздражает эта выскочка?

Он лишь пожал плечами.

– Я вполне уверен в своей работе.

Прозвенел звонок, и Вероника, попрощавшись с Феликсом, выскочила из кабинета. Бажена молча достала вещи. В глазах щипало.

Глава 6

Бажена умыла лицо. Снова. Трудно просто взять и остановиться, когда целый урок сдерживаешься, чтобы не заплакать. Пытаешься отвлечься, смотришь смешные картиночки, но мысли снова и снова возвращаются к...

Дыхание перехватило. Скрипнула входная дверь, и пришлось отвернуться, чтобы девочка, зашедшая в туалет, не увидела в зеркале покрасневшее от плача лицо.

Никто не должен знать, что я умею плакать. Слабых никто не любит.

Она же... сделала все. Писала рецензии, сочинения, статьи, читала десятки книг по драматургии, и... что в итоге? Теперь весь актив готов бойкотировать ее спектакль. И все из-за того, что перешла дорогу дружку Вероники. Дружку, у которого и так мама режиссер!

Зазвонил телефон. Сначала Бажена хотела сбросить, но, увидев на экране слово «Папа», схватила трубку почти лихорадочно. Наконец-то.

– Да? – оживилась она.

– Привет, Бажен. Деньги пришли?

Бажена проверила уведомления.

– Да, пришли.

– Хорошо, тогда давай, удачи там...

– Пап, подожди. Как у тебя дела?

– У меня? Нормально. Сейчас возимся с поставками. Марьяна на золотую медаль идет.

Что еще? В принципе, ничего нового.

Ах да. Марьяна же в выпускном классе. Надо сказать-то покруче, надо...

– А я в конкурсе постановок участвую, – выпалила Бажена. – Там главный приз – рекомендательное письмо в Театральный институт.

Он должен обрадоваться. Он же всегда радовался, и сейчас должен.

– Ой, правда? Марьяна тоже участвует.

Облом. Очень большой облом.

Значит, Марьяна действительно претендует на победу. И как теперь быть? Нельзя же потом приехать на дачу и сказать папе, что бывшая сынка какой-то режиссерши подстегнула весь театральный кружок объявить бойкот!

– И что... у нее за спектакль? – тихонько спросила Бажена.

– «Снежная Королева». Слушай, Бажен, у меня тут дела. Давай потом позвонимся, ладно?

– Ну... хорошо...

– Давай, все. Целую.

Папа бросил трубку, и Бажена убрала телефон. По коже пробежал неприятный морозец. Просто окунули. Во что-то ледяное и мерзкое.

Бажена вытерла лицо. Слава богу, теперь оно уже не выглядело таким опухшим, но влажные глаза выдавали ее с головой: ревела. Как идиотка.

– Осенняя хандра? – слышалось за спиной.

Фигура, стоявшая у Бажены за спиной, чем-то напоминала призрака – бледная, высокая, с длинными черными волосами и в такой же черной одежде, как на похоронах. Тома. Та самая, которой спихнули ее работу.

– Осенний насморк, – пробурчала Бажена, шмыгнув носом. – Кто-то с новым парфюмом пришел... У меня, кажется, аллергия...

– Плакать лучше всего в третьей кабинке, – тихо проговорила Тома, подходя к раковинам. – Там почти не воняет и кто-то процитировал Гумилева на стенке...

– Слушай, Том, – она снова умылась и попыталась сделать самый непринужденный тон. – Вероника сказала, если спектакль буду ставить я, она заставит весь актив... ну... бойкот устроить. Ты вместе со всеми будешь?

– Я не из тех, кто сопротивляется большинству... Честно говоря, в последнее время я вообще теряю всякую инициативу... Становлюсь инертной...

– Наверно, витаминов не хватает.

– Может, витаминов, а может... чего-то еще...

Какое-то время Тома молча простояла у раковины, разглядывая свое отражение. Бажена поняла, что лучше не мешать. Она приспустила волосы, чтобы хоть немного прикрыть заплаканное лицо, и зашаркала к выходу.

– Там Вероника, – пробормотала Тома.

– Значит, все-таки проклятье...

– Что? У ее класса сейчас физика, она не к тебе.

Но до физики Вероника уже была занята – болтала с приятелями. Один из них, невысокий паренек с рыжеватой бородкой, что-то громко рассказывал, активно размахивая руками, а второй...

Да-да. Это был Феликс.

Он стоял, прислонившись спиной к стене, и внимательно слушал. Даже улыбался, изредка кивая. Но стоило ему только заметить Бажену, улыбка исчезла – и снова вернулся гадючий взгляд. А потом пришла идея. Феликс тут же гордо выпрямился и развел руки в стороны, показывая на собеседников. Они этого даже не заметили. Послание предназначалось только конкурентке.

Сначала Бажена не поняла. Даже недоуменно нахмурилась, остановившись на полушаге. Но стоило только догадаться, смех вырвался сам собой.

Друзья. Феликс просто хочет показать, что у него есть друзья.

Бажена снисходительно покачала ладонью – неплохо, но можно лучше. Феликс закатил глаза.

Разве уверенный в себе человек будет заниматься подобным, чтобы доказать свою правоту? Нет, конечно. Значит, хоть и в мелочи, а все-таки победила.

Только Эдик все испортил. Он, как одноклассник Вероники, тоже стоял у кабинета и внимательно наблюдал – может, вообще был единственным, кто заметил эти гляделки с Феликсом. Вскинул бровь, медленно отвел взгляд. Ничего хорошего его выражение не предвещало.

Не думай об Эдике. Просто не думай.

Вон, Феликс лучше. Выделяется вовсю, пытается показаться важным. Хотя... свою правоту он все-таки доказал. А что он сказал о конкурентке? Кажется, с высоты своего интеллекта высказался о ее «колхозе»...

Хорошо. Значит, колхоз ему не нравится.

Посмотрим, кто кого.

Глава 7

– Бажена? – удивилась Лиза.

– Ни фиги себе... – протянул Захар. – Ты что, намалевалась?

Да, намалевалась. И уложила волосы, чтобы красиво обрамить лицо. Достала свободные брючки – давно хотела, но сейчас появился повод, подобрала рубашку... Стильненько. Не хуже, чем Вероника, – и ни намека на колхоз. У Витовского должна отвалиться челюсть, когда он увидит этот образ. Теперь только надо добраться до первой парты.

– Итак, – начала Оксана Георгиевна. – На сегодня была задан проект урока для пятых классов. Может быть, кто-то хочет выступить первым?

Бажена подняла руку.

– Ульянова? Хорошо, выходи.

Она подключила флешку и настроила картинку. Краем глаза наблюдала – ну, Витовский, удивлен?

Конечно, Феликс удивился. Вскинул брови, оторвался от блокнота, в котором черкал какие-то заметки. Но выдал только ухмылку. Таковую, снисходительную: «Ой, как мило, деревенщина учится одеваться как городская!»

Подступила злость.

– Итак, драматический род литературы, – объявила Оксана Георгиевна, заглянув в список. – Слушаем.

Естественно, она выбрала драматический. Какой же еще? Все эти комедии и драмы, в стихах и нет, старые, новые... Бажена знала, о чем говорила. И так увлеклась, что если бы не план выступления – он умещался на крохотном листке, – наверняка бы проговорила несколько часов. Просто так, экспромтом. Даже о Феликсе на какое-то время забыла.

А он, между прочим, слушал. Очень внимательно, даже кивал. В блокноте делал какие-то заметки, будто всерьез конспектируя, и лишь время от времени поднимал глаза. Под конец заметки спрятал. Бажена страсть как хотела узнать, что он там накарябал.

– Ну, это, конечно, пятерка, – улыбнулась Оксана Георгиевна, стоило только закончить. – Но не пятым же классам рассказывать про Оскара Уайлда. Хорошо, кто следующий?

Бажена забрала флешку и снова взглянула на Феликса.

Радость сменилась раздражением.

«7/10».

Именно это Феликс жирными буквами вывел в своем блокноте, а теперь с довольной ухмылочкой показывал ей. Внизу красовалась приписка:

«Стрелки криво нарисовала».

Ох, как же захотелось его ударить! Но вместо этого Бажена лишь вскинула подбородок и прошла к своему месту. Умом-то, конечно, понимала, что соперник просто занижает баллы, но все равно расстроилась. Она-то хотела поразить! Сделать так, чтобы он просто сказать ничего не смог, как кролик перед удавом.

Марьяна же так умела...

Бажена достала телефон. И пока где-то там распинались про лирический род литературы, она решила выяснить, с кем вообще ввязалась в конкуренцию. Зашла на страницу Феликса, и... тут же облом. Закрыв все данные. Даже аватарку выбрал без лица – просто чья-то рука держит маленького безобидного ужика. Но ведь есть же какие-то родственники, правда?

А ведь можно провести расследование. Что же у Феликса за мама, если он так нагло претендует на постановку?

Итак, детектив берется за дело. Запрос номер один: «Витовская». Так, какая-то лажа... «Витовская режиссер» – тот же результат. Бажена решила попробовать через соцсети, но и

тут оплошала – результатов было столько, что искать нужную пришлось бы несколько часов. Какой-то тупик...

Нет, сдаваться так просто нельзя. Бажена зашла в беседу с Алей и нашла список класса – подруга сфотографировала его, чтобы узнать, когда у кого день рождения. Там кроме дат были еще и отчества.

Значит, Витовский Феликс Евгеньевич... Ага.

Витовский Евгений. Логично, что город Санкт-Петербург. Еще немного, и...

Увидев на фото худощавого мужчину с торчащими во все стороны черными кудрями, Бажена сразу же поняла – в точку. Папа. Наверно, именно от него Феликс позаимствовал черты лица и отстраненное выражение, с которым Евгений смотрел в камеру. Кстати, Витовский-старший оказался драматургом.

У тебя еще и отец драматург?! Серьезно, зачем тебе этот чертов конкурс?!

Драматурги живут не особо интересно. Вот фото ноутбука на фоне рабочего стола, вот фото ноутбука на даче, вот фото ноутбука на отдыхе в Болгарии, в Финляндии, в Москве... О, люди! «С днем рождения, солнышко» – и фото женщины с рыжевато-каштановым каре и круглыми очками. Глаза у нее были каре-зеленые, как у Феликса, и Бажена тут же кликнула на ее страницу.

Ирина Воронцова. Режиссер. Вот уж она делиться своей жизнью просто обожала – тут и фото с репетиций, и афиши премьер, и просто случайные снимки Петербурга в разное время суток, и отчет с летнего отдыха в Болгарии. Там была вся семья. Папа, тот самый Евгений Витовский, искрящаяся от радости хозяйка страницы и...

Бажена хихикнула.

Да, угадала. Феликс. Обгоревший и недовольный. В руках у него был тот самый ужик с аватарки, а в волосах затерялся маленький синий цветок. Фото не выглядело совсем уж компрометирующим – наоборот, смотрелось миленько, – но подкинуло интересную идею. Бажена открыла галерею.

Сначала успела разочароваться. Все фото Феликса здесь оказались чудовищно скучными и говорили разве что о том, что улыбался он крайне редко. А еще носил брекеты. Черт возьми, у него даже школьная форма в началке выглядела нормально! Но потом на глаза попался альбом «Семейные праздники».

Тут Бажена не просто рассмеялась. Она заржала, как лошадь.

Оказывается, в семье Витовских-Воронцовых существовала традиция – наряжать единственного сыночка в костюм символа года. Поэтому сохранились фото Феликса-кабанчика (маленький, всего годик), Феликса-крыски, Феликса-бычка, Феликса-тигрёнка, Феликса-кролика, дракончика и змейки. Дальше, наверно, он уже начал возмущаться, но и этих фото было достаточно для добротного компромата. Ой, да тут же еще и фотографии со дня рождения в идиотском колпачке...

Бажена накачала с десятков и подобрала самую смешную – ту, где на Феликса напялили костюм дракончика. Добавила шутивное «найс» и отправила. Реакция была моментальной. Феликс вздрогнул и обернулся, просверлив ее таким сердитым взглядом, что радость быстро сошла на нет.

И тут Бажена вспомнила. Вообще-то ее мама тоже выкладывала кое-какие фото. И если сейчас Феликс...

Быстро закрыть страницу! Он не должен найти...

Черт. Феликс усмехнулся, и Бажена поняла, что проиграла. Теперь оставалось только ждать, какую из детских фоток выберет он. Из бассейна? Или с первого сентября в родной школе? Тогда на нее напялили такие уродские банты, но...

Новое сообщение. Сердце стучит в разы быстрее. Феликс потрудился и добавил подпись: «Did you want to believe?»

О нет. О нет-нет-нет, пожалуйста, только не это фото...

Да. То самое.

Вообще-то, в этом нет ничего такого. У всех детей случается какой-то бзик – кто-то обожает динозавров, собирая всякие журналы и фигурки, кому-то безумно нравится Древний Египет... Да, Бажена в детстве увлекалась инопланетянами, что такого? Да, она любила делать шапочки из фольги. Да, у нее были радары из проволочек, как во всяких паранормальных шоу, и да, однажды она пошла искать инопланетян в одних колготках и футболке со Смешариками. В этом нет ничего такого! Ей же было пять лет!

Феликс обернулся и многозначительно показал на потолок. В ответ Бажена изобразила китайского дракона с огромными круглыми глазами и надвинутыми бровями.

А потом завязался бой.

Бажена отправила его фото со дня рождения – Витовский ответил ее нелепым костюмом с детсадовского утренника. Она парировала маленьким китайским кроликом, а этот кролик – ой, то есть Феликс – выставил ее в резиновых сапожках посреди огромной лужи.

Битва продолжалась еще долго. Бажена напонила, как маленький Феликс сидел на коленях у бабушки, почтенной женщины с шапкой седых кудрей, а он – как малютка-Бажена поймала огромную лягушку. Она отыскала его фото с пони из контактного зоопарка, а он – ее игру с бабушкиными поросятами. Еще и подпись добавил: «Семь милых поросят». Стоит ли говорить, что поросят на фото было шесть, а седьмым Феликс назвал...

Придурок!

Между прочим, Феликс расплакался, испугавшись картины в Эрмитаже.

Между прочим, Бажена разревелась, свалившись с велосипеда.

А у Феликса были плавки с осьминожками.

А у Бажены был купальник с феечками.

Надевал татарскую тюбетейку.

Танцевала в цыганском платье.

Друг о друге они узнали о-очень много. У Феликса детство было красочным. Летом родители возили его за границу, как правило, в Польшу, а в остальное время водили по всяким музеям и библиотекам. Другое дело Бажена. Мама, как назло, выкладывала самые смешные ее фото, и по ним можно было понять, что «седьмой поросенок» постоянно искал инопланетян, лазил по деревьям, тискал соседских щенков и не пропускал ни одного утренника. Но по итогам вышла ничья. Пришло уведомление из беседы класса:

«Сегодня вместо химии классный час».

На этом пришлось остановиться. Бажена хотела продолжить на этом самом классном часе, но все снова пошло не по плану...

Глава 8

– Итак, на повестке у нас происшествие, случившееся в прошлый понедельник, – устало пробубнил Антон Игоревич, облокотившись на стойку. – Я думаю, не нужно объяснять, что произошло.

Бажена попыталась вспомнить, что же такое было в прошлый понедельник. Кажется, какая-то контрольная, потом Аля принесла благовония... Так, что-то пропустила. Пришлось ткнуть Захара, который сидел впереди.

– А что произошло? – шепнула Бажена.

– Кто-то у Лизы игрушку мягкую спер.

Она покосилась на Лизу Шмыкову, сидящую на пару рядов впереди. Твердая хорошистка и маленькая звездочка танцевального кружка – типичная девочка-припевочка, у которой с Баженой не было ничего общего. Поэтому и не пересекались. Лиза, кажется, даже немного побаивалась рыжей из-за ее грубоватой манеры общения. А рыжую это смешило. Какие все вокруг нежные!

Дело пропавшей игрушки Бажену не волновало.

– Я предлагаю разобраться с этим сейчас, – монотонно продолжал Антон Игоревич. – Я не хочу писать еще с десяток отчетов о том, что у нас на самом деле все хорошо и комиссии просто показалось, что я работаю классным руководителем только ради надбавки... Так, стоп, я сказал это вслух?

Кто-то захихикал, но остальной класс просто хотел поскорее закончить.

– Я еще хотела сказать, – робко затесалась Тома. – У меня наушники пропали. Черные такие, с резинкой на проводе.

– Хорошо, учтем... – Он отвлекся на какую-то баночку с реактивом. – Давайте тот, кто это сделал, признается и все вернет. Если не признается, будем проверять сумки. Если и это ни к чему не приведет, будем говорить с родителями...

И тут Бажена заметила, как парень, сидящий за соседней партой, старательно прячет те самые наушники за приоткрытую дверцу шкафа.

Его звали Дима. Дима Гусев. Ужасно худой, высокий, с забавными каштановыми кудряшками, которые почти никогда нельзя было увидеть чистыми, и вечным табачным запахом – неудивительно, что девчонки втихаря прозвали его Вонючкой. А Бажена почти не замечала. Шутки про вонь не поддерживала, но и не видела смысла заступаться. Жили... параллельно.

– Что, будем играть в молчанку? – вздохнул Антон Игоревич.

– Ну? – не выдержал Захар. – Ребят, давайте быстрее. Никто никого ругать не будет.

Класс продолжал молчать.

– Может, ради шутки сперли? – предположил кто-то.

– Идиотская шутка получается.

– Да! – подтвердила Лиза. – Идиотская!

– Может, просто завалился куда-то?

– Да не мог он никуда завалиться! Он в рюкзаке лежал!

– Слушайте, а помните, как Дима у Гоши флешку спер?

Весь класс тут же воззрился на Диму. Он поежился, громко хрустнув пальцами, и угрюмо уставился на одноклассников.

– Я ничего не крал, – пробурчал он.

– Зачем ему красть плюшевую игрушку? – удивился Захар. – У нас тут детский сад, что ли?

– Да, – голос Димы зазвучал тверже. – Мне-то игрушки на хрена?

Класс зашептался. Дима тем временем облокотился на шкаф, прикрыв дверцу ногой. Сейчас Бажена чувствовала себя богом – она-то в отличие от милых одноклассничков знала, кто вор. Только стучать не хотела. Пусть сами выясняют. Искать компромат на Феликса куда интересней...

– А может, дело в том, что у его сестренки в субботу был день рождения? – вдруг подал голос Феликс.

– Чего? – искренне удивился Дима.

– Твоя мама выложила фотографии. Лиз, это твой медведь?

Бажена чуть не вскрикнула от возмущения.

Эй! Плагиатор! Это моя идея – искать компромат на страницах у родителей!

А Феликс все с тем же спокойным видом показывал Лизе телефон.

– Да, это мой мишка! – закивала она. – Ты что, подарил его сестре?

Народ захихикал еще громче. Ситуация действительно странная – украсть плюшевого медведя ради сестренки-второклашки...

А Бажена еще злилась. Без нее бы Феликсу пришла в голову идея проверить страницу Диминой мамы? Нет, конечно! Значит, он просто взял и украл идею у своей конкурентки, а теперь собирается почивать на лаврах гениального детектива? Ну уж нет! Пусть расплачивается за свои «7/10»!

– Да ничего я никому не дарил! – возмутился Дима. – Это просто такой же медведь. Такие в любом магазине купить можно.

– Подозрительное совпадение, – подметил Феликс.

– Может быть, у Димы есть алиби? – Антон Игоревич устало зевнул. – Лиз, когда там у тебя медведя украли?

– В понедельник.

– Кажется, это я уже понял. А по времени?

– После третьего урока. Я тогда в танцевальном классе была, а вещи тут оставила. А когда вернулась, мишки уже не было.

– Я в это время в столовке был, – пробурчал Дима. – Меня... мог кто-нибудь видеть...

– Кто-нибудь видел Диму в столовой?

Ненадолго в классе повисла тишина.

– Вообще-то я видела, – сказала Бажена.

И первым из всего класса на нее посмотрел именно Феликс. Очень недовольно. Так, будто видел в ней самую страшную преступницу всех времен. А Бажена только пожала плечами.

Ты мой Шерлок Холмс, я твой профессор Мориарти.

– Дима сидел за колонной, – уверенно продолжала Бажена. – Ну, там, где фикусы стоят. Бажена точно знала, что это место никто не видел. Она сама сидела там.

– Ты уверена, что это был Дима? – напирал Феликс.

– Естественно, мы вместе сидели. Так ведь?

– Д-да, – Дима кивнул. – Это было... единственное свободное место.

– Звучит неубедительно, – Феликс поправил очки. – Вас надо спросить поодиночке.

Класс зароптал. Кажется, никто не разделял его детективного азарта – особенно ашки-старожилы, которые знали Феликса еще со средней школы. Видимо, не в первый раз такое творит.

– Слушайте, а чего мы копаемся? – громче всех возмутился Захар. – Лиз, сколько твой медведь стоил?

– Девятьсот, кажется...

– А нас тридцать два человека. Каждый скинется по тридцать – и все, дело закрыто.

– Вообще-то, это будет несправедливо... – пробормотал Феликс.

– Пятерка этому парню за отличную идею, – оживился Антон Игоревич. – И плюстик каждому, кто скинется. Все помнят? Три плюстика – пять. Господи, хотя бы день без отчетов поживу...

Но никто не спорил. Несмотря на ворчание Феликса, Лиза скинула в беседу свой номер, и большая часть класса тут же перевела ей деньги. Дима, кстати, не смог. У него вообще был кнопочный телефон, который пришлось показать, чтобы закрыть лишние вопросы. Так Бажена убедилась, что соврала не напрасно.

– А теперь вы нас отпустите? – с надеждой спросил Захар.

– А теперь мы будем убирать класс, – вздохнул Антон Игоревич.

Класс зашумел, и Бажена незаметно подседа к Диме. В нос ударил резкий запах табачного дыма.

– Что теперь попросишь? – тихо спросил Дима.

– Ничего, – Бажена плечами и потянулась за наушниками. – А это я верну хозяйке, хорошо?

– Только не говори, что...

– Естественно.

– Спасибо, и... – Он наконец-то поднял на нее зеленые глаза. – Я не всегда ворую, просто надо было... Короче, да. Спасибо.

И Бажена, уже с наушниками в кармане, поспешила к стойке. Смочила тряпку, выбрала неприметный книжный стеллаж у входа в лаборантскую. Руки еще немного подрагивали от адреналина.

– Ты соврала, – послышалось за спиной.

Бажена обернулась. Феликса заставили перетаскивать растения, и теперь, стараясь не запачкать свой клетчатый джемпер, он возился с фикусом в горшке.

– Чем докажешь? – хмыкнула Бажена.

– Что у тебя в кармане?

– Тома! Том, а это, случайно, не твои наушники?

– Ой... – оставив шкаф с пробирками, Тома подошла. – Да, мои... А где ты их нашла?

– Да вот тут валялись, – Бажена дождалась, пока Тома снова отойдет. – А о тебе я была лучшего мнения.

– Серьезно? – Феликс изогнул бровь. – Значит, раскрытие преступления – это падение в твоих глазах?

– Преступление? Да парню не на что было сестренке подарок купить!

– Прости, у меня обостренное чувство справедливости. И знаешь... из-за него я как-то передумал давать тебе главную роль в спектакле.

– Боишься, я дам Гусеву наводку на тебя?

– Это... не связано с Димой.

– Да-а? А с кем же связано? Вместе с Вероникой мне бойкот объявляете?

– Я говорил с Эдиком. Только что.

Про что может рассказать Эдик? О да. Про ту ссору. Ту самую ссору, в которой Бажена отвесила ему добротную пощечину.

Да. Может, в глазах неженки Феликса это и вправду было круто. Только, вешая ему лапшу на уши, Эдичка наверняка не упомянул, из-за чего эта ссора случилась.

А все просто. Эдик целовался с Марьяной. С сестрой своей девушки, если точнее. Это случилось во время традиционной поездки на дачу, пока папа был на рыбалке, а Бажена ходила в магазин. Вернулась, застала этих голубков. У них, видите ли, случилась «любовь с первого взгляда», и эту «любовь» они прятали целую неделю.

И на кого после этого должно работать «обостренное чувство справедливости»?

– Да ну? – Бажена выпрямилась и сделала самый непринужденный вид. – Боже мой, и как я буду дальше жить?

– Уверен, мы оба будем жить просто прекрасно. Только поменьше общайся со всякими ворами. Мало ли – он у тебя что-нибудь украдет.

– Хм... А если я позову его в мой спектакль? Как раз вместо тебя.

– Мечтай дальше.

– Нет, дорогой, мечтать как раз придется тебе. Спектакль буду ставить я.

– Звучит очень сомнительно.

– Взаимно.

Глава 9

– Ребят, у меня для вас плохая новость, – вздохнула Оксана Георгиевна. – Оба сценария не подходят.

Черт. Целая неделя ожидания – и все насмарку. Разбираясь с делами актива, кряхтя над домашкой, помогая маме с починкой проводки, Бажена думала только об одном – о спектакле. Представляла подходящих актеров, подбирала музыку, делала наброски декораций, костюмов, украшений...

А тут долбаный оргкомитет со своим мнением. Кажется, под арканом Влюбленные в Таро Алечки пряталась карта Облом.

– Не подходят? – возмутилась Бажена, проходя вглубь кабинета. – Как?

– Может, это какая-то ошибка? – уточнил Феликс. – Вы точно отправили им мой сценарий?

– Точно, Феликс. – Оксана Георгиевна заглянула в экран ноутбука. – Пишут, не подходит под формат.

– А у меня что?

– Бажен, у тебя... да, тоже. Не подходит под формат.

– Да какой у них формат-то? По времени не укладывается? Или что?

Бажена подбежала к столу и заглянула в экран. В письме действительно было написано именно это: «К сожалению, оба сценария не соответствуют формату. В первом случае превышено число актеров и содержание не соответствует возрастному рейтингу 6+, во втором слишком короткое по времени действие». Значит, наша школа не участвует?

– Маман не помогла, да? – фыркнула Бажена.

Феликс выглядел совсем уж расстроенным. Думал о чем-то, смотря в одну точку, закусывал губы. Бажена пару раз щелкнула у него перед глазами.

– Эй, ты меня слышишь? Я спрашиваю: ваши знакомые в институте не помогли?

Он скрипнул зубами, игнорируя Бажену, и подошел к столу.

– Я мог бы отредактировать, – тише, чем обычно, пробормотал Феликс. – Я... готовил сценарий целый месяц, понимаете? Что нужно сделать?

– Феликс, я все понимаю, – закивала Оксана Георгиевна. – Но мы уже не можем рисковать. Давайте так: я напишу сценарий, а ставить будет кто-то из вас. Возьмем что-нибудь из списка рекомендованных, может быть, даже пьесу...

А Бажена уже изучала этот список. Там были классические рассказы, сказки вроде того же «Морозки» и даже готовые пьесы, за использование которых снимался балл за сценарий. И Бажена даже была готова согласиться, но на глаза вовремя попало знакомое название.

– Давайте поставим «Щелкунчика и Мышиного Короля», – оживилась Бажена. – Я сценарий напишу. Учту прошлые ошибки, уложусь в рег...

– Моя мама ставила спектакль по мотивам «Щелкунчика», – перебил Феликс. – Для постановки я могу позаимствовать костюмы и декорации. Там ведь есть баллы за это.

– Эй!

Бажена хотела добавить еще парочку крепких словечек, но вовремя вспомнила – рядом учитель. Оксана Георгиевна снова вздохнула.

– Я так понимаю, «Щелкунчика» вы оба ставить хотите.

– Да.

И снова хором. Бажена уже еле сдерживалась, чтобы хорошенько не ткнуть Феликса в бок. Локтем, чтоб поострее. Может, тогда он ненадолго замолкнет?

– Тогда я могу предложить только жребий.

Бажена могла бы согласиться, но вовремя вспомнила. Вероника. Ненаглядная подружка Феликса, готовая за него порвать. Как впечатлить жюри, если вся театральная секция – те, кому это действительно интересно, – просто возьмет и бойкотирует спектакль? Так-так-так, надо думать... Надо думать быстрее, шевелить мозгами...

О!

– А если мы будем работать вместе? – вдруг выпалила Бажена.

И тут же поняла, что сказала чушь. Причем об этом подумали все – и Феликс, округливший глаза, и Оксана Георгиевна. В кабинете повисло неловкое молчание.

– Ну... – Оксана Георгиевна внимательно изучала взглядом их обоих. – В теории, конечно, можно. В регламенте есть пункт про сорежиссеров, да. Но... сможете ли вы поладить?

– Можно попробовать, – задумчиво кивнул Феликс. – А если кто-то будет не справляться, он просто выйдет из проекта.

– Наверняка это случится еще на этапе написания сценария, – пожалала плечами Бажена.

– Или во время подбора актеров. Для этого же надо дружить с Вероникой.

– И ведь еще надо что-то делать самому. Без помощи родителей, а это довольно трудно.

– Еще раз заговоришь о родителях...

– Так, все, – снова затесалась Оксана Георгиевна. – Как вы поставите спектакль, если даже сейчас спорите?

– Мы договоримся, – заверила Бажена. – Мы обязательно договоримся, вот увидите. Сценарий...

– Сценарий будет готов к следующей неделе, – договорил за нее Феликс. – Сегодня после занятий мы останемся в библиотеке и все обсудим.

– Ох, ладно... Но обязательно держите меня в курсе.

Бажена вынырнула в коридор. Страсть как не терпится поскорее уйти – так, чтобы не пришлось болтать с этим самовлюбленным придурком, – но головой понимала, что говорить придется. Только заговаривать первой не хотелось.

А Феликс, казалось, окончательно ушел в себя. Он осел в одном из кресел, переложив рюкзак на колени, и тяжело вздохнул. Медленно приподнял очки. Шмыгнул носом, закрыл глаза. По щеке у него пробежала блестящая слезинка.

– Ты плачешь? – удивилась Бажена.

– Излишки яда. – Он надавил пальцами на сомкнутые веки. Недолго выждал, чтобы голос перестал срываться, и снова заговорил: – Что я еще могу делать, Бажен? Я месяц потратил на этот гребаный сценарий. Ради чего? Ради «несоответствия формату»?

Феликс быстрым движением утер глаза – и вуаля, через секунду на мир смотрел все тот же гадючий взгляд. Бажена знала этот прием. Чтобы не разреветься совсем, надо либо хорошенько рассмеяться, либо хорошенько разозлиться, и Витовский выбрал именно второе. У него даже глаза от злости загорелись – это дорогого стоит.

– В этих оргкомитетах всегда сидят обиженные на жизнь тетки. – Бажена скрестила руки и глянула на бескрайнюю белую пелену за окном. Первый снег, между прочим. – Ну, раз уж мы теперь вместе...

– Кстати об этом. – Феликс снова надвинул очки. – С чего это вдруг ты стала такая дружелюбная?

– Я решила, что если у нас общая беда, надо объединиться. Ударим кулаком творческой мысли по бюрократии оргкомитетов.

– Вероника.

– Что?

– Ты просто боишься Вероники.

– Неправда.

– Нет, Бажен, ты совершенно точно боишься Вероники Мельниковой, потому что она одним щелчком пальца может завалить любой твой проект. А если рядом буду я, она не подумает это сделать.

– Даже если так, что с того?

– Да ничего. Интересный у нас получается тандем. Я согласился с тобой работать, чтобы избежать риска не работать вовсе, а ты просто боишься, что твой проект завалят.

– Так общая цель объединяет. Два режиссера – двоим же легче, разве нет?..

– Нет. Ты понимаешь, что хороший спектакль не подойдет? Мне нужен лучший.

– Угадай, какой нужен мне.

– Ладно, хорошо. Что ты имеешь в виду под словом «лучший»?

– Ну... такая волшебная сказка, где...

– Вот! Каждый из нас вкладывает в слово «лучший» что-то свое, а у нас только месяц, чтобы разобраться.

Бажена усмехнулась.

– Ну, ты ж за месяц как-то сценарий наката. Значит, месяц – это не так уж и мало.

– Бажена. – Он встал с места и подошел к ней почти вплотную – так, чтобы смотреть прямо в глаза. – Я говорю серьезно. Это постановка, здесь нужен общий взгляд. Какой у нас может быть общий взгляд?

– Глазами, боже мой.

Феликс тихо выругался – а из его уст это звучало экзотично – и тоже взглянул на окно. Снег все не прекращался и в какой-то момент стал напоминать белую простынь, которую кто-то повесил за стеклом. Бажена и сама засмотрелась.

– Давай хотя бы попытаемся, – пожала плечами она. – Чем черт не шутит?

– Ты умеешь шутить?

Он снова повернул голову. И снова – язвительная ухмылка. Но на этот раз Бажена была совсем не против и даже напутственно похлопала его по плечу.

– Хорошая попытка, дорогой. Но меня так в старой школе учителя называли. Придумай что-нибудь поинтереснее, ладно? Сегодня, после уроков, в библиотеке.

Глава 10

А «Щелкунчика и Мышиного Короля» Бажена прочитала еще в детстве. После балета. В качестве сувенира на память папа прикупил ей книжку, и ее – в семь-то лет! – Бажена осилила всего за четыре дня. И перечитывала каждый декабрь.

Такую историю только в декабре и читать. Она начинается в канун Рождества, когда семейство Штальбаумов готовится к празднику, а дети – Мари и Фриц – гадают, что же подарит крестный. Советник суда, господин Дроссельмейер, каждое Рождество приносит крестникам самые замысловатые игрушки.

Бажена вспоминала и, пока никто не видит, кружилась по коридору.

Елка, чарующие огоньки. Все, конечно, разбирают подарки – платья для Луизы, старшей сестры, солдатики для Фрица, прекрасная кукла Клара для Мари... Но уродливый щелкун никого не интересует. Кому нужно приспособление для колки ореховых скорлупок? Оказалось, Мари. Ей Щелкунчик показался очень милым. И она забрала его к себе.

Вспоминала и представляла, как это будет смотреться на сцене. Ярко, красочно, живо... И, если уж теткам в оргкомитете так важны правильные послы, тут есть подходящий – не суди книгу по обложке.

А ночью случилось чудо. Все игрушки ожили и подняли свои крохотные штыки на битву с Мышиным Королем – жуткой семиглавой тварью с целой армией голодных грызунов. Солдатыками командовал сам Щелкунчик. Но мышей набежало так много, что их было просто невозможно одолеть, и тогда Мари швырнула в Короля своей туфелькой. Щелкунчик был спасен.

Пф, всего лишь туфелька. Их бы кочергой какой-нибудь...

От ночного побоища у Мари осталась рана на руке. Ее рассказу никто не верил, а крестный явно чего-то недоговаривал. Пока крестница лежала в постели, ей и Фрицу он рассказал длинную сказку о твердом орехе. Да-да. «Щелкунчик», как матрешка, хранит в себе сказку в сказке.

В одном далеком королевстве у Короля и Королевы родилась дочь – прекрасная принцесса Пирлипат. В честь этого Король устроил великий пир, но мыши, подданные королевы Мышильды, съели все сало для колбас. Для них расставили множество ловушек, клеток и мышеловок, но... никто не учел, что Мышильда умеет колдовать. И от ее колдовства милашка-Пирлипат превратилась в чудовище с огромной головой и ртом от уха до уха.

Чтобы снять проклятье, нужен чистый душой юноша и орех Кракатук. После долгих поисков придворный часовщик, Дроссельмейер, нашел все это у своего брата, и ко двору вместе с Кракатуком прибыл его племянник, Дроссельмейер-младший. Проклятье пропало. Пирлипат снова стала красавицей, но сам парень превратился в деревянную куклу, обреченную вечно щелкать орехи. Теперь, чтобы расколдовать себя, ему нужно победить единственного сына Мышильды, Мышиного Короля, и влюбить в себя прекрасную девушку.

Это будет лучший спектакль!

А ночью к Мари заявился Мышиный Король. Он угрожал загрызть Щелкунчика, если девочка не отдаст сладости. И она согласилась. Следующей ночью она отдала пряничные фигурки, книги, платья... Но мыши только свирепели. Может, они бы съели и саму Мари, если бы не Щелкунчик. В одну прекрасную ночь он пришел к ней с окровавленной саблей, свечой и семью коронами. Вдвоем они перенеслись в Кукольное Королевство с Марципановым замком и Апельсиновым ручьем.

Потом Мари пришлось вернуться. Ей снова никто не поверил, но намного позже к ней пришел юный господин Дроссельмейер. И она стала его невестой. И теперь вдвоем они царствуют в Марципановом замке...

Бажена знала, как поставить это интересно. Она даже начеркала наброски декораций. Знала, что поставить вместо Чайковского – не все же сцены из оригинальной сказки есть в балете. Все уже было продумано.

Только у Феликса был совсем другой взгляд.

В библиотеке, затхлой и старой, он чувствовал себя королем. Сидел, собрав рядом с собой целые стопки книг, и внимательно изучал одну из них.

– Ты опоздала, – буркнул он, на секунду подняв глаза.

– Ой, да ладно, на пару минут... – Бажена присела за стол. – А библиотечарша где?

– Вышла. И доверила библиотеку мне.

– Ты еще и с библиотечаршей дружишь.

– В отличие от некоторых мне не очень нравится изолироваться от общества в туалете.

А тут даже есть что почитать.

– Ближе к делу.

– Ты читала оригинальную повесть?

– Ты не поверишь. Читала.

– Ты права, действительно не поверю. Итак, сколько главных героев у нас будет?

– Мари, Щелкунчик, Мышиный Король, Фриц, Луиза – ну, которая сестра Мари...

– Двенадцать.

– Что?

– Нам понадобится двенадцать актеров, не считая массовки и Луизы, которая совершенно не нужна по сюжету.

– Тогда зачем ты меня об этом спрашиваешь?

– Я проверял твоё утверждение. Если бы ты смотрела мультфильм или балет, ты бы знать не знала никакой Луизы.

– Ты за кого меня считаешь?

– Пожалуй, это я оставлю при...

– Куда это делась твоя вежливость, а? Раньше ты назвал меня колхозницей – и все, извиняешься с подарком наперевес. А сейчас что? Эдички наслушался?

– Раньше нам с тобой не приходилось делить место режиссера. И заметь, я никогда не называл тебя колхозницей. Я лишь сказал, что от моих друзей не несет колхозом.

– Так, ладно. Давай просто составим план сценария и разойдемся, хорошо?

– Ладно, твои предложения.

– Я предлагаю классическую трехактную структуру.

Феликс кивнул на доску, и Бажена, взяв маркер, принялась выводить план. Выглядеть старалась как можно серьезней – в конце концов, наблюдает сам Витовский, – хотя от мысли, что эту схему она высмотрела в «Смешариках», подступила глуповатая усмешка.

С размашистым почерком пришлось повозиться. Получилось тринадцать пунктов – со всеми важными для сюжета точками. Феликс за всем наблюдал. С интересом, как слушал на уроке, но без насмешки. Кажется, он до сих пор не мог отойти от решения оргкомитета.

– Ну как? – спросила Бажена, закрыв маркер.

– Структурированно. Но у меня есть несколько вопросов.

– Валяй.

Судя по взгляду, сначала он хотел съязвить, но сдержался. У Бажены даже появилась надежда, что с напарником как-то удастся договориться.

– Почему «Мари никто не верит» – это отдельный пункт? – поинтересовался Феликс. – И почему это препятствие?

– Мари обращается за помощью к родным, но ей не верят. Это еще какое препятствие!

«Пап, Марьяна сосалась с моим парнем!»

Слезы душат, и говорить получается с трудом. Но от взгляда папы становится еще хуже.

«Что за бред, Бажен? Марьяна бы никогда так не поступила».

– Далее, – монотонно продолжал Феликс. – В книге Щелкунчик убивает Мышиного Короля «за кадром». Как с этим будет у нас?

– Все покажем на сцене. Это ж и так понятно.

– По-моему, в твоём плане... недостает психологии. Нет, это хорошо, правда, но до уровня конкурса... не тянет, что ли?

– А что тянет? Твоя писанина, которая в возрастной рейтинг не попадает?

– Бажена, давай воздержимся от оскорблений... Я думаю, стоит попробовать другой вариант.

– Ты придираешься на пустом месте!

– Я просто хочу, чтобы все было в самом лучшем виде. Почему в «кульминации первого акта» у нас настоящее сражение, а в «катастрофе» – просто погрызенные игрушки? Напряжение к этому моменту должно нарасти. Может быть, попробуем концепцию мономифа Джозефа Кэмпбелла?

Нашел что вспомнить.

– Ты про «Путь героя»? – удивилась Бажена. – Герой слышит Зов, спускается в Неизвестное...

– Да, почему бы нет?

– Ну, я объясню, почему. Потому что это, блин, история про путешествие, а в «Щелкунчике» Мари полкниги валяется в постели!

– Мы даже не попробовали.

– Если бы это предложила я, ты бы сказал, что это полный бред. Ты просто не хочешь верить, что у меня могут быть хорошие идеи. И ради того, чтобы потешить свое самолюбие, ты готов испортить всю постановку.

А Феликс уже выводил новый план. Баженин, конечно, сфотографировал, отправив ей же, но мнение в положительную сторону не изменил. С первыми строчками «плана» сделал только хуже. Просто взял и другими словами написал то, что уже написала она!

– Вообще-то, по Кэмпбеллу герой отказывается от зова, – фыркнула Бажена. – А Мари Щелкунчик сразу понравился. Все, лажа.

– К тому, чтобы взять Щелкунчика, Мари подталкивает Дроссельмейер. Значит, Дроссельмейер будет выступать в качестве «сверхъестественной помощи»...

– Феликс, это идиотизм. На хрена расписывать вообще ненужные детали?!

– Чтобы у героев появилась глубина... Образ Дроссельмейера – один из ключевых, и многие считают, что в этом герое Гофман изобразил себя.

– Ты просто расписываешь то, что уже написала я!

– Тише, мы же в библиотеке...

Бажена не выдержала и схватила губку от доски. Швырнула. Хотела попасть по идиотской писанине, но нечаянно угодила Феликсу в руку. Он остановился. Накрыл маркер колпачком.

– И что это было? – Феликс стиснул зубы.

– Зачем ты все усложняешь?! Мы ставим просто детскую сказку! Это у тебя семейка театралов, которые реальной жизни вообще не видали никогда, а зрители росли в нормальных семьях!

Бажена не ожидала, что брошенная губка прилетит в ответ. Не ожидала и того, что вместе с ней Феликс швырнет еще и маркер – конечно, нарочно мимо, на стол, и все же до чего громко...

Ну уж нет! Решил показать зубы? Сейчас познакомишься с когтями!

Бажена схватила первое, что подвернулось под руку, – ластик. Мазать не собиралась, но Феликс увернулся, и прилетело в доску.

– Хабалка! – рывкнул он, схватив второй маркер.

– Индюшара! – ответила Бажена. – Ты думаешь только о себе!

Ей пришлось увернуться от второго маркера.

– Я думаю только о себе? – возмутился Феликс. – Ты здесь только потому, что Вероника обещала испортить тебе работу!

Бажена живо вернула маркер обратно – и прямо по руке.

– И что? Зато я к твоему мнению прислушиваюсь, а тебе на мое плевать!

– Мне плевать на твое мнение? Я дал тебе высказаться, а ты вместо того, чтобы меня дослушать, швырнула губкой. Очень вежливо?

От его залпа Бажена увернулась, но быстро поняла, что лучше бы просто приняла удар. Маркер угодил в уродскую вазу на тумбе. Эта ваза неуклюже покачнулась, повалилась набок...

И разлетелась вдребезги, рухнув на пол.

Осколки рассыпались во все стороны. Парочка даже попала Бажене на ноги, и тело обдало неприятным холодком. А шаг назад принес боль. Резкую, как разряд тока.

– Ай!

Феликс обогнул стол и подошел ближе. Бажена рухнула на стул. Она стащила туфлю и вздрогнула, обнаружив на стельке маленький осколочек. Закатился, гад. И еще так больно...

– Ты в порядке? – нерешительно спросил Феликс.

А ведь он действительно волновался. Стало неловко. Наверно, им обоим сейчас было неловко. Так скандалили, а теперь...

И вдруг – скрипнула дверь. На пороге стояла белая как простынь библиотекарша.

– Это что такое?! – возопила она. – Что вы здесь устроили?! Феликс?

– Мы случайно, – пробормотал Феликс. – Мы... сейчас все уберем...

– Так, фамилии, быстро.

– Витовский.

– Ульянова.

– Веник и совок у шкафа. Чтобы, когда я вернулась, этого всего не было.

Дверь хлопнула, но даже после этого они не сказали друг другу ни слова. Феликс молча принес те самые веник и совок, а Бажена, пока он подметал, этот совок придержала. Он собрал маркеры, она стерла недописанный план с доски. Когда вместе с библиотекаршей вбежала разгневанная завучка, помещение выглядело почти обычно, разве что атмосфера в нем царила напряженная.

– Что произошло? – прошипела она.

– Уронили вазу, – ответил Феликс, покосившись на напарницу. – Случайно.

– Школьники из соседнего кабинета слышали крики.

– Это кто-то слышал?! – испугалась Бажена. Поняв, что сказала лишнее, она тут же поспешила выкрутиться. – Ну да, мы поспорили... по...

– По творческим вопросам, – договорил за нее Феликс. – Не очень удачно подобрали место, кто-то задел тумбу, и... Прошу прощения, что так вышло.

Феликс сказал достаточно, чтобы версия звучала складно. Чтобы долго не возиться с объяснительной, пришлось подтвердить. На этом и разошлись. Молча.

И кто вообще решил, что общая цель может сплотить?

Глава 11

О том, что уже вся школа слышала об этом скандале, Бажена узнала еще вечером. Кто-то из тех самых «школьников» записал крики голосовыми сообщениями и скинул в беседу класса. Галдеж поднялся еще тот – кому-то показалось, что это похоже на inferнальные вопли полтергейстов, вторые удивились тому факту, что Феликс вообще умеет кричать, а третьи... Черт бы побрал этих третьих! Третьи решили, что если парень и девушка запираются в одном помещении, а потом еще и начинают спорить, то у них обязательно должны быть отношения. Тем более, предмет спора так и не записался. «Хабалка!», «Индюшара!», динамик зашуршал, «Я думаю только о себе?!» – и снова шорохи. Дальше было только падение вазы.

Всем, кто спрашивал, Бажена отвечала: дело в спектакле и только в спектакле. Феликс поступил проще и просто ограничил отправку сообщений. Пришлось отдуваться за двоих. Неудивительно, что идти в школу утром было... тревожно.

Вот черт! Знакомы всего две недели – а уже друг другу репутацию испортили!

«Сегодня в школу придешь?»

Не разглядев имя отправителя, Бажена решила, что пишет Аля. А потом пришлось удивляться – Феликс. Утром их решение работать вместе казалось каким-то странным идиотским сном.

«Да», – ответила Бажена.

«Вероника хочет взять у нас интервью».

«В смысле?»

«Как у режиссеров постановки».

И почему она подумала, что речь про ссору? Бажена мотнула головой и уточнила:

«Когда?»

«На большой перемене».

Говорить больше было не о чем. Бажена продолжила собираться, еще обдумывая вчерашний скандал, и всерьез побаивалась – а вдруг отстранят от работы? Нет-нет-нет, они не могут, это же... Да ничего не доказано! И вообще, в объяснительной все написано: просто поссорились, задела тумбу, опрокинули вазу...

«Да, мы с Баженой вчера поспорили, но это касается только нас. Нет, мы не состоим в личных отношениях, не применяли насилие в отношении друг друга и просто вместе работаем над постановкой. Спасибо за понимание».

Именно это было написано на самодельной табличке, которую Феликс соорудил из тетрадной обложки. Он установил ее домиком и показывал всем, кто хотел что-то спросить. С Баженой он поздоровался равнодушным кивком.

– Может, стоит заглядить вину? – начала Аля, стоило только Бажене сесть на свое место. –

То, что случилось между вами, просто случайное недопонимание...

– Так ему это и скажи, – буркнула Бажена.

– Я уже сказала, а он только посмотрел на меня и сказал, что это касается только вас.

– Ты говорила с Феликсом?!

– Пожалуйста, только не кричи...

– Значит, так. – Захар, который сидел рядом с Алей, обернулся. – Вы давайте по-человечески вопросы решайте, а не вот так... – Он наклонился к самому уху и перешел на шепот. – А если он еще раз Але таким тоном ответит, я ему все зубы выбью, ясно?

– Любовь моя, не стоит. – Она положила свою руку поверх его. – Не стоит давать агрессии взять верх над тобой...

– Агрессия берет надо мной верх, когда всякие говнюки тебя расстраивают.

Аля потянулась и ласково поцеловала его в щеку. Бажена ничего не имела против, правда, побаивалась, что от такой дозы сахара можно и дерматит заработать. Ну ребят, ну люди же смотрят...

Марьяна так же целовала Эдика. На камнях у цветника, среди календул и васильков. Только просто «в щечку» Эдичке было мало, и, пригладив ее волосы, он жадно поцеловал сестренку в губы. А Бажена стояла за калиткой. И вместе с пакетом из магазина рухнул ее маленький мирок...

Весь урок Бажена задавалась только одним вопросом – почему девчонки вокруг целуют, а она, как дура, вынуждена только бить?

Бажена разглядывала свое отражение в экране телефона. Сравнивала. Что же такое было в Марьяне, если Эдик влюбился в нее с первого взгляда?

Сестренка красивая. Очень красивая, все это говорят. Ее золотисто-рыжая коса спадает до самого пояса, а изумрудные глаза «завораживают» – по крайней мере, так считает папа. Бабушка отмечает женственную фигуру, а тетя Тася (папина жена) постоянно нахваливает ее «острый ум».

А что у Бажены?

Волосы – темнее, с медным отливом. Два года назад хозяйка их коротко подстригла, и теперь они едва-едва доходят до лопаток. Веснушки. Не аккуратная россыпь на носике и щечках, а ядерные грязные пятна по всему телу, которые бледнеют только зимой. Лицо совсем неправильное (Марьяне нравится называть его «свинным рылом»), глаза... болотные. Ничего «завораживающего». Ум... не «острый», а «пряткий». Обыкновенная смекалка, как у дураков в сказках.

И что в этом хорошего?

В положенное время Феликс поджидал у двери. Вместе с напарницей они побрели до кабинета математики.

– О вчерашнем спросят? – между делом бросила Бажена.

– Во вселенной школьных газет конфликтов не существует.

Бажена только повела плечом и сделала вид, будто Феликса рядом нет. Даже немного отстранилась, чтобы не подумали, что они идут вместе.

– Приветствуем ветеранов библиотечных войск, – улыбнулась Вероника, встретив Феликса на пороге кабинета. – Сильно орали?

– Заставили убираться. – Феликс сел в кресло. Здесь, в конце класса, их было два – как раз для режиссеров. – Только давай побыстрее. По физике работа будет.

Вероника кивнула и включила диктофон.

– Я задаю вопрос, вы отвечаете по очереди: сначала Бажена, потом Феликс. Итак, почему вы участвуете в этом конкурсе?

– Я хочу стать режиссером, – пожала плечами Бажена. – Я просто не могла не поучаствовать.

– Феликс?

– Тот же ответ.

– Ладно, идем дальше. Почему вы выбрали именно «Щелкунчика»? Так, ребят, только давайте без вот этой вот истории с оргкомитетом. Ваши личные какие-то мотивы, побуждения...

– Самый счастливый день в моей жизни – это день, когда мы с папой ходили на «Щелкунчика». – Поняв, что от волнения выпалила слишком личное, Бажена посерьезнела. – Ну... Это красивая сказка. Зимняя такая, атмосферная... Волшебная. Мне очень нравится.

А Феликс вдруг взглянул на нее... с любопытством. Не с интересом, как вчера, а именно с любопытством – каким-то более детским чувством.

– А меня «Щелкунчик» пугает, – пожал плечами он. – Это история побега от реальности. Мари променяла дом на какое-то нереальное Кукольное Королевство со всякими марципановыми замками и ожившими игрушками. Там все такое... слишком идеальное. – Феликс чуть улыбнулся. – Я бы больше почитал про Мышиное Королевство. Оно, наверно, где-то в подвале...

– Не, на кухне, рядом с Тараканьим, – хмыкнула Вероника.

Феликс усмехнулся и кивнул. А Бажена оцепенела – впервые увидела этого парня смеющимся.

– Короче, напиши, что мне психология там нравится, – добавил он.

– С каким персонажем вы бы себя ассоциировали?

– А почему я должна с кем-то себя ассоциировать? – буркнула Бажена.

– Мышиный Король.

– Мышиный Король? – Вероника искренне удивилась. – Почему?

Он пожал плечами.

– Он вечно голодный уродец, живущий в каком-то подвале. Думаю, это мой типаж.

Насчет уродца он нагло прибедрался. В чем Витовский уродец? В парочке мелких прыщиков, оставшихся после неудачного бритья? Пф, да прыщики проходят. Косоглазие? Так оно же... красивое. Феликс мог оттолкнуть от себя только постоянным занудством и гадючим взглядом, который включался как по щелчку.

– Ла-адушки, идем дальше, – стрекотала Вероника. – Что вы ни за что не допустите в своей постановке?

– Плохих декораций и костюмов. Я не поверю сказке, которая происходит в какой-то фанере.

– А я не поверю сказке, если актеры играют неубедительно. – Феликс облокотился на подлокотник и подпер рукой подбородок. – Я должен поверить актерам, иначе все остальное просто не будет иметь смысла.

И ведь спорит еще. Нашелся умник.

– Так, еще немного осталось... Ой, один вопросик пропустила... Почему вы решили стать театральными режиссерами? Почему не кино?

– Потому что, если я пойду в кино, моя семья выгонит меня из дома, – пробурчал Феликс, совершенно забыв о напарнице. Тут же опомнился. – Бажен, извини. Сейчас твоя очередь.

– Ну... – Бажена поежилась. – Вообще-то, в Новосокольниках не особо много развлечений. Ну, музей есть краеведческий, парк, памятник Ленину... – Она усмехнулась. – Есть один-единственный дом культуры. Это и кинотеатр, и клуб, и... ну, что-то вроде театра. Меня водили туда на новогодние спектакли, потому что зимой маме было лень тащиться до Великих Лук. Там играли актеры-любители, но я-то, когда мелкая была, настоящих актеров никогда не видела... И они играли... так здорово...

Бажена поняла, что голос срывается. Ну правда, как он может не срываться, когда она, дурочка из провинции, рассказывает об актерам захолустного ДК, а рядом сидят люди, для которых это... пшик. Глупости.

Вероника с самого детства могла ходить в настоящие театры, а у Феликса вообще мама режиссер. Настоящий режиссер. А не какой-нибудь завхоз, который по совместительству возглавляет любительскую труппу для новогодних праздников, работающую чисто на энтузиазме.

Этим людям неинтересно. Они могут только посмеяться. Как смеялась Марьяна, как смеялся Захар – еще до того, как Аля попросила его не поднимать эту тему...

От этой мысли в глазах закололо. Бажена попыталась разозлиться или подумать о чем-то смешном, но ничего хорошего из этого не вышло. Наоборот – она просто поняла, что выглядит жалко. Шмыгнула носом. Все вокруг замолчали, и захотелось провалиться под землю, чтобы не разреветься в голос.

– Бажен, все нормально? – осторожно спросила Вероника.

Феликс ткнул Бажену в плечо. Она чуть повернула голову – совсем немного, чтобы не показывать покрасневших глаз, – и с удивлением обнаружила, что Витовский сует ей упаковку салфеток.

– Ты еще скорую вызови, – буркнула Бажена. – Вероник, просто напиши, что я всегда хотела быть режиссером, ладно?

– Ну... как хочешь, конечно.

– Не стесняйся своих чувств, – вдруг сказал Феликс.

Тон, которым он это сказал, был особенным. Совсем неядовитым. Мягким, как кошачье мурлыканье, и даже немного убаюкивающим. Только от этого стало еще противней. Жалость – иногда она бывает хуже ненависти.

– А вы в них не лезьте, – огрызнулась Бажена.

А Феликс как будто издевался. Взглянул своими сказочными глазами и чуть склонил голову набок, разглядывая ее все с тем же любопытством. И так задумался о чем-то, что очки вдруг соскользнули с его носа. Вероника рассмеялась.

– Что, «ежиков» никогда не видел? – хихикнула она. – Так, ладно. Фель, как ты пришел к театральному искусству?

– А по мне, она больше похожа на свинку, – улыбнулся Феликс, поправляя очки. – Так, да. Я вырос в театральном искусстве. Папа драматург, мама и оба деда режиссеры, бабушка актриса и так далее. Короче говоря, у нас династия.

На свинку, значит. Что там Марьяна говорила про «свиное рыло»? Значит, и вправду свиное. Бажена взглянула на зеркало, висящее напротив кресла, и потупила голову.

– Ладушки, теперь последний вопрос. На какое место вы рассчитываете?

– Ну, явно не на последнее.

– На второе. Обычно этому месту дают приз зрительских симпатий.

– Отлично! – Вероника выключила запись. – Бажена, на время работы над спектаклем ты освобождаешься от деятельности в активе. Феля – ты обещал мне роль.

Бажена отделалась нерешительным «спасибо». Выходя, она ненадолго остановилась у зеркала, чтобы поправить волосы, и искренне удивилась – Феликс снова ее ждал.

– Как тебе интервью? – спросил он.

– Нормально.

– Знаешь, я тут подумал... почему бы нам не обсудить постановку в другом месте? Более... нейтральном. Подойдет?

– Что за место?

– В зависимости от того, какую кухню ты предпочитаешь.

Бажена подняла глаза. Для того самого Феликса из библиотеки он говорил какие-то совсем уж фантастические вещи. А вот выражение у него максимально отстраненное.

– Я люблю пышки, – сказала Бажена. – Только у меня денег нет.

– Я заплачу.

И что сегодня за день сюрпризов?..

Глава 12

После уроков Феликс действительно привел ее в кафе. Оно было маленьким, с советскими плакатами и теплым желтоватым светом, из-за чего внутри царил уютный полумрак. А Бажена все никак не могла перестать удивляться. Ни за что бы не подумала, что после скандала в библиотеке Витовский заставит ее улыбнуться – а ведь он это делал, по-джентльменски помогая снять пальто. И то, что потом они перебросились парой слов о местном интерьере, тоже прозвучало странно.

– Ты не против, если я выберу? – вежливо спросил Феликс, открыв меню.

– Твои же деньги. Только попить возьми.

– Чай или что-нибудь прохладное?

– Главное, чтобы без корицы. Все что угодно, только без корицы.

– У тебя аллергия?

– Нет, я ее просто терпеть не могу.

А все потому, что позапрошлым летом Марьяна насыпала ей корицу в мороженое. Под видом какао. Какая же это была гадость!

Феликс улыбнулся и пролистнул меню. На всякий случай уточнил, с каким вкусом Бажена хочет лимонад. Себе выбрал эспрессо. В качестве основного блюда взял целых десять пышек и отшутился – он чертовски хочет есть.

– Знаешь, – как-то отстраненно начал Феликс. – А мы ведь друг друга почти не знаем.

– Ну, после парочки приятных слов от тебя желания как-то не возникало.

– Взаимно. Ты довольно умело создала образ хамоватой выскочки, которая с бараньим упрямством идет к своей цели. Но на интервью я испытал когнитивный диссонанс. Ты ведь очень чувствительная, правда?

– Не твое дело.

– Хорошо, не мое. Но ведь у тебя тоже сложился какой-то стереотип обо мне. Было бы интересно услышать.

– Ты... избалованный сынок богатых родителей, который мнит себя богом. Угадала?

Феликс усмехнулся.

– Давай мыслить логически. Если у меня богатые родители, то что я делаю в общеобразовательной школе?

– Что, прям нищерброды?

– Средний класс. А что ты имела в виду под «мнит себя богом»?

– Смотришь на людей как на дерьмо. Используешь заумные словечки. Может, хочешь почувствовать себя особо умным на их уровне?

Принесли напитки, и Бажена снова удивилась – лимонад здесь подавали в огромных графинах, из которых нужно было разливать по стаканам. А вот эспрессо Феликса, наоборот, казался совсем уж крошечным.

– Мыслишь почти как психолог, – подметил Феликс, попробовав кофе. – Ты ведь дружишь с Захаром, да? Он тебе это сказал?

– Да.

– Он хотел со мной подружиться. В классе так в седьмом. Я немного побаивался этого боксера, и... действительно сказал ему не самые лицеприятные вещи. Так что он вполне имеет право на такое мнение.

– И так со всем классом?

– Вкратце объясню ситуацию. Я интроверт. Может быть, тебе это сложно представить, но я очень быстро устаю от людей. Мне достаточно двух друзей, к которым я вполне привык, а остальные чувствуются... лишними. Понимаешь?

– И это повод отшивать всех, кто хочет с тобой подружиться?

– Я стараюсь делать это очень вежливо. – Феликс поморщился от горького кофе. – Но когда они не понимают вежливого обращения, приходится немного...

– Со скуки хоть не помираешь?

– Я люблю рутину.

– Ты странный.

– Сказал человек, который одевается как панк и мечтает стать театральным режиссером.

Он сказал об этом без всякого осуждения, и Бажена решила, что все-таки можно улыбнуться. Феликс улыбнулся в ответ. Подошедшая официантка поставила на стол тарелки с пышками, присыпанными сахарной пудрой, и он поблагодарил ее вежливым «спасибо».

– Подожди, – вдруг оживился Феликс, стоило только Бажене потянуться к тарелке. – Я хотел предложить одну игру.

– Та-ак...

– Смотри. Я разделил наши обязанности на десять пунктов: декорации, свет, музыкальное сопровождение, костюмы, сценарий, подбор актеров, составление расписания, постановка действия, хореография и спецэффекты.

– Звучит как-то очень... по-канцелярски.

– Возможно. Давай так: кто первый схватит пышку, тот и будет заниматься тем или иным пунктом. Мне кажется, это неплохой способ избавиться от споров.

– И каждый будет делать свое? Лоскутное одеяло получить не хочешь?

– Да-а, ты права. Тогда... тридцать процентов остается за другим режиссером. Пойдет?

– Ну давай.

Бажена допила первый стакан и приготовилась играть. Чуйка улавливала какой-то подвох, но сформулировать это четче было трудно. Что, пышки отравлены? Или по дороге домой кто-нибудь прихлопнет в какой-то темной подворотне? Ну бред же, бред!

– Ладно, давай начнем. – Феликс заглянул в экран. – Что насчет декорац...

Не успел он договорить, как Бажена выхватила первую пышку. Умяла в три укуса, запила лимонадом. Феликс удивленно вскинул брови.

– Нет, это реально жутко, – пробормотал он.

– У меня по маме дофига родственничков. Двоюродные братишки, троюродные сестренки. А теперь представь, что бывает, когда это стадо собирается на шашлыки.

– У вас там? В... Новосокольниках?

– Ага. Ну, точнее, под Новосокольниками. Там бабушка живет.

– Оттуда все эти фотографии с лягушками и поросятами?

– Слушай. По поводу этого. Мама выкладывала все это, чтобы постебаться. У меня есть и нормальные фото.

– По-моему, и эти неплохие.

– Правда?

– Ну да. Живые. Знаешь, судя по ним, у тебя было интересное детство... Так, ладно. Давай следующий пункт. Освещение.

И снова – первая. Впрочем, Феликс даже не пытался. Потянулся для галочки и флегматично пожал плечами, когда не успел. Бажена снова отпила лимонад. То же самое случилось и с третьей пышкой, за которой закрепился пункт с хореографией.

– Кажется, я уже наелась, – улыбнулась Бажена.

– Тогда все остальное забираю я?

И тут она поняла.

Поняла, что связалась со змеей.

Это все не просто так. Пей сколько хочешь, ешь сколько влезет, не утруждайся, я сам зачитаю список – он знал, во что собирается играть. И из напитков взял только маленький эспрессо.

Чтобы не наестся раньше времени.

Черт возьми, как она его не раскусила? Это же было так легко! Пора бы уже запомнить, что бесплатный сыр только в мышеловке, а она...

Феликс быстро сообразил, что его план раскрыли. Он ухмыльнулся, внимательно наблюдая за ее реакцией, и многозначительно кивнул.

– Заметь, сам придумал, – все тем же мурчащим голосом протянул он. – Учел особенности темперамента.

– Это нечестно!

– Почему же? Неужели я силой вливал в тебя лимонад? Или, может быть, заставлял хватать эти пышки? Я не приемлю насилие, Бажена. Ты все сделала сама.

– Так, все. – Она попыталась встать, но быстро поняла, что ей нужно хоть немного времени, чтобы все съеденное переварилось. – Ладно, не все. Ты говнюк, ты в курсе?

– Ты используешь мои слабости – я использую твои. Мне так нравится эта наша шахматная партия.

– Шахматная партия? Больше похоже на двух макак, которые камнями в вольере кидаются.

– ...А им из этого вольера надо выбраться. Неплохая метафора. Так что насчет пышки по костюмам? Ты посмотри, какая она аппетитная.

– Ты хочешь, чтобы я умерла от разрыва желудка?

– Нет-нет, что ты. Просто скажи да, и я... так уж и быть, взвалю на свои плечи эту тяжелую ношу.

– Лучше ты да скажи. Я тебе в рифму отвечу.

– Не тяни время. Не получишь костюмы – не расстраивайся, декорации все равно твои.

– Ладно. На, подавись этой пышкой. Что там по твоему списку?

– Спецэффекты.

– Приятного аппетита. Что дальше?

– Я еще за костюмы не доел.

– Доешь без меня. Давай, у меня осталось еще две пышки.

– Постановка действия и мизансцены.

– У тебя какой-то идиотский список. Под план подгонял, да? Ладно, постановка твоя. У тебя же мама...

– Не вспоминай моих родителей, когда этого не требует ситуация. – Феликс нахмурился. – Я более-менее самодостаточная личность.

– Ой-ой-ой... Ладно, по списку.

– Подбор музыкального сопровождения.

– А вот эта пышечка моя.

Она придвинула тарелку и символично попробовала один кусочек. Слава богу, Феликс не заставлял есть все и сразу. Можно было продолжать.

– Дальше по списку подбор актеров, – продолжал Феликс.

Вместо ответа Бажена просто кивнула. Ладно. Он же дружит с Вероникой – а ее еще как любят. Пусть развлекаются.

– Составление расписания?

Снова кивок. Впрочем, пышку за расписание Феликс не брал – оставил на тарелке рядом с другой, самой последней. Бажена замерла в ожидании.

– А что по поводу сценария?

Должна. Написать. Сценарий.

Бажена постучала по животу и притянула к себе тарелку. Даже смотреть на пышку было отвратно, а уж попробовать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.